

НАБЛЮДАТЕЛИ

СОСУДЫ НАШИХ ДУШ

ДАРЬЯ СЕЙМЕНСКИ

18+

Наблюдатели

Дарья Сейменски

Наблюдатели. Сосуды наших душ

«Автор»

2026

Сейменски Д.

Наблюдатели. Сосуды наших душ / Д. Сейменски — «Автор»,
2026 — (Наблюдатели)

Тея Сол не должна была покидать независимые территории. Семь лет она помнила об этом — и всё же оказалась по другую сторону границы, с влажными ладонями и жалкой, почти детской надеждой, что на этот раз обойдётся. Впереди ждали Смотрины — отбор будущих архонтов. Тее предстояло поручиться за наследника влиятельной семьи, которого от собственного будущего бросало в дрожь. Его страхи можно было понять. Справиться с ними предстояло ей. Но Смотрины ещё не начались, а людей, связанных с отбором, уже находят мёртвыми. И всё труднее выдерживать внимание Николаса Павервольта. Куратор Смотрин обладает той спокойной, безжалостной уверенностью, с которой люди приоткрывают чужие двери, даже не подумав постучать. Свою Тея слишком долго держала запертой. Она приехала отвечать за чужую судьбу. И уже на границе почувствовала, как легко её собственная может оказаться в чьих-то руках.

Содержание

Сосуды наших душ	5
Пролог	6
Глава 1. Кодекс и кровь	8
Глава 2. Дружба и любовь	16
Глава 3. Сила и честь	22
Глава 4. Сеть и прах.	28
Глава 5. Сделка и долг	34
Глава 6. Осколки и зеркала	41
Глава 7. Победа и поражение	49
Глава 8. Архонт и архивариус	57
Глава 9. Шпили и тени	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дарья Сейменски

Наблюдатели. Сосуды наших душ

Сосуды наших душ

«Ты будешь мне платой, – шепнул кто-то злой. —
В твоих позвонках – лунный свет.
Я выплавлю слитки из желчи людской,
Иного лекарства здесь нет».

Я наблюдал, как в плавильных котлах
Кипит мироздания руда,
Как души, на звездных зажатых зернах,
Теряли себя навсегда.
И каждый, кто был мне «ты» или «брат»,
Становился монетой звенящей,
И лики святые в рядах пестрят,
Но суть их – все тот же спящий.

Здесь все есть продажа, все есть базар,
Где каждый друг другу – плата.
Где взгляд – это вексель, любовь – товар,
И даже молитва – расплата.
Но есть здесь то, что нельзя растолочь
В пыльцу для алхимиков злых,
Что в самую, самую черную ночь
Сияет, как свет от живых.

Не тронь же меня своей алчной рукой,
Торговец тенями и снами!
Не всякий станет твоей тетивой,
Не все мы – товар перед вами.
Есть то, что не сжечь и не взвесить на вес,
Что в зеркалах не отлито,
Что шепчет: «Ты – нечто. Ты – не исчез.
И плата за нас не добыта».

Вот так мы и ходим – меж звезд и цены,
Меж обществом, что режет взглядом,
Где светят не деньги, не блеск седины,
А то, что нам выше и рядом.
И каждый решает: пасть жертвой вещей,
Стать звонкой монетой на блюде,
Иль встать у истоков незримых дождей,
Где люди друг другу – **люди**.

Пролог

Ему оставалось несколько лет. От силы. Она знала это с пугающей, безжалостной точностью, но продолжала отдавать ему всё, что могла.

Без остатка.

Примерно два часа назад она уложила его на один прозекторский стол, а на второй легла сама. Запасной морг Атриума Конкордии с его инструкциями для криминалистов и холодным блеском хирургических инструментов мало походил на место, где спасают жизни. И всё же именно здесь они вдвоём вели свою тихую войну. Она – в прямом смысле, он – в переносном.

– Всё... – прохрипел в гробовой тишине старик на соседнем столе. – Достаточно. Закончили...

– Да, пожалуй, – лениво протянула она, намеренно растягивая слова. Вечно он думал о ней, даже когда его собственное дыхание стало нитью, готовой оборваться.

Она открыла глаза и повернула голову. Напротив лежал мужчина лет семидесяти, больше напоминавший измождённого деда из зимних сказок, нежели живого человека. Широкие плечи, могучий торс, облечённый в простую рубашку, – и ниже... пустота. Полное, безжалостное отсутствие ног. Кожа его была мертвенно-бледной. Седая, почти белая борода беспомощно скомкалась на груди, свешиваясь с холодного металла. Такие же короткие белые волосы венчали голову. Глаза закрыты.

На его висках, так же как и на её, пульсировал матовый обруч, на запястьях – браслеты и иглы, вонзённые в вену. Между ними от всех этих устройств, словно фантастическая паутина, тянулись проводники: от обруча и браслетов – слегка прозрачные и мерцающие, от игл – густо-алые. В центре этой паутины стоял белый блок трансфузионной системы – безжалостный насос, качавший не только кровь, но и нечто большее. Этот инструмент выжигал её изнутри, словно паразит, высасывая жизнь и передавая её старику.

– Система, – её голос прозвучал громче, чем хотелось. – Статус переноса одической энергии.

Короткий сигнал, и тишину рассек спокойный, бесстрастный бас:

– По состоянию на 22:04 перенос одической энергии, достаточной для выживания пациента, завершён. Уровень заполнения потенциала – 70%. Рекомендовано отключение во избежание необратимого физического урона донору.

– Что ж... Отключить передачу, – скомандовала она.

Свет по контуру потолка замерцал в мирном такте загрузки системы.

– Производится отключение трансфера од. 5%... 39%... 80%... 100%. Отключение произведено. Рекомендуется удалить трансфузионную систему.

Девушка нехотя, опершись на локти, поднялась. Спрыгнула со стола. В висках стучало, в глазах плясали тёмные пятна, но привычного тумана в голове не было – прогресс. Куда лучше, чем в прошлый раз, и уж точно не сравнить с первым, когда она не могла стоять на ногах. Старик тихо посапывал, погружённый в целительный сон. Она собрала аппаратуру: часть – в свой потёртый чемоданчик (оставлять следы было смерти подобно), часть – аккуратно вернула на места.

В углу, у выхода, ждала его инвалидная коляска с призрачным гулом двигателя и слабой воздушной тягой. Девушка подкатила её к столу и шутливо ткнула старика в бок.

– Вставай! Нам здесь не рады, ты и сам знаешь.

Он тяжело захрипел, веки дрогнули, открыв усталые, выцветшие от времени глаза, и на мгновение его взгляд, чистый и ясный, упёрся в потолок. Молчание затянулось, стало тягучим

и плотным. Затем он медленно повернул голову и по-отечески погладил её по руке. Прикосновение было прохладным.

– Ты прекрасно знаешь, что мой срок на исходе. И с каждым разом ты отдаёшь мне всё больше сил. Я не вечен.

Его взгляд, словно у взгляда уходящего навсегда друга, тоской лёг ей на сердце. Под рёбрами предательски кольнуло.

Нет уж! Умереть здесь и сейчас она ему точно не позволит!

– Розенберг, – она прошипела так, что стало неясно – то ли это злость, то ли отчаяние. – Ты дал клятву. Ты не можешь меня оставить.

– Не могу, – согласился он тихо. – Именно поэтому... Я подал прошение на участие в Смотринах. В следующем году.

Последнее слово повисло в воздухе, тяжёлое, как гиря.

– Что? – она отпрыгнула от стола, будто её ударило током. На лице застыл чистый, нефилтрованный ужас. – А если... Если они узнают?

– Вероятность того, что они узнают, взлетит до небес, если я умру, а у тебя не останется клятвенного покровителя. Сколько ты продержишься одна? Месяц? Полгода? Ты же знаешь...

– Знаю, – бросила она сквозь зубы и со всей дури ткнула носком ботинка в колесо коляски. Железо звякнуло тупо и обиженно.

– Или, может, назад хочешь? – голос его был мягок, как взбитая перина, и оттого ещё опаснее.

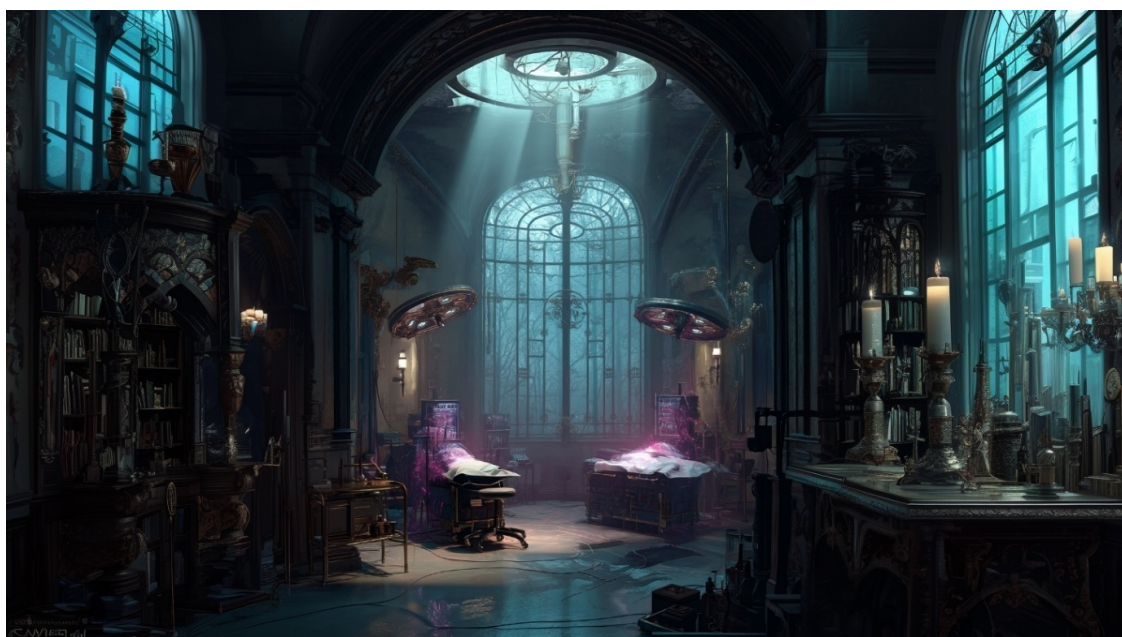
– Нет, – сорвалось у неё слишком быстро, выдавая дрожь.

Она поправилась, сделав тон плоским:

– Нет. Я ещё, вроде как, жить планирую. Пока что.

Последнее добавилось шёпотом, предназначенным больше ей самой, чем ему.

– Вот и славно. В этом я не сомневался, – он хмыкнул, и звук этот был таким круглым, таким добродушным, что аж тошно стало. Морщины у глаз сбежались в лучистые веера, вылепив на его лице маску этакого румяного деда-задорника с обложки дешёвой открытки. Маска была сработана так искусно, что её собственные губы предательски потянулись в ответной, ничего не значащей улыбке. Холодный комок в желудке от этого не растаял. – А теперь помоги старому калеке взобраться на его трон.

Глава 1. Кодекс и кровь

«Гражданин Арлюминера чтит семью как кровную, так и клятвенную, и отдает жизнь за ее защиту и благосостояние.»

– Из Ст.4 Раздел 5. Кодекс гражданина Арлюминер 140 год.

Тея Сол не должна покидать границы независимых территорий. Она помнила, почему давно пообещала себе это. Она помнила причины и следствия. И спустя семь лет, она нарушила данный себе запрет и теперь стояла здесь, под мертвенным, фантазмагорическим светом длинной неоновой вывески «Паспортный контроль Проценториума». Несколько сотен метров – пропускной пункт, а за ним – те самые Двери Перехода.

Граница.

Сердце ее билось с такой предательской силой, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Ладони вспотели, она тяжело дышала, будто весь этот влажный, спертый воздух вокзала вдруг превратился в вату. Одна ее часть по-детски хотела сбежать и все отменить, другая рассудительно наставляла, что другого пути нет. В конце концов Тея только оттягивает неизбежное: свое, кандидата и, наконец, Розенберга.

– Вы мешаете движению пассажиров...

Голос прозвучал где-то сбоку, заставив ее вздрогнуть.

Мужчина склонил голову в формальном поклоне, но глаза его были холодными и испытывающими. Тея невольно сжалась и мельком огляделась – казалось, на несколько минут она выпала из реальности и буквально вросла в землю прямо посередине Западного переправочного моста – моста, соединяющего центральный и проценторианский терминалы столицы Арлюминера – Атриума Конкордии. Множество людей обтекало ее, словно вода – остров, то и дело бросая недовольные взгляды.

– Вам помочь? Куда вы направляетесь? – спросил служащий в форме, и в его ровном, монотонном голосе угадывалась не то вежливая озабоченность, не то легкая, но отчетливая тень подозрения.

Выяснять это ей не хотелось. Она ощущала лишь животное желание исчезнуть.

– Да... да... простите. Не могу понять, куда мне идти, – выпалила она первое, что пришло в голову, тут же осознав всю глупость этой лжи в месте, где все указано с солдатской прямолинейностью. Но откровенничать с этим стражем системы не хотелось. – Я резидент территорий. В Меркаторию.

– Для граждан Арлюминера выделен первый пункт досмотра. Стандартная упрощенная процедура, – отчеканил он, не отводя пристального взгляда. – Прямо и налево. Для прохода предъявите номер энергетического идентификатора.

– Спасибо, – она натянуто улыбнулась, и почти побежала в указанном направлении, спиной чувствуя его тяжелый, впивающийся взгляд.

Когда Тея достигла противоположной стороны моста, она осознала, что нужный пункт невозможно было не заметить. Надпись «КПП 1. Резиденты Арлюминера», вертикально пересекавшая всю шестиметровую стену, пылала неприятным розовато-красным сиянием. Оно не манило, скорее отталкивало, и было лишено гостеприимства. У остальных контрольных пунктов, ведущих в столицу столицы Проценториума, тянулись длинные очереди: счастливые туристы, возвращающиеся домой, деловитые визитёры и депортируемые беглецы, чьё незаконное пребывание на независимых территориях было раскрыто.

Возле ее пункта не было ни души. Никого, с кем можно было бы разделить тягучее, одинокое ожидание. Пока она шла по отведенному коридору, казалось, лишь самый ленивый не

проводил ее изумленным взглядом. Зрелище и впрямь было редким: арлюминерцам позволялось покидать территории лишь в рамках официальных визитов или, обладая особым статусом, строго в сопровождении ипостаси. Здесь же – девушка, в одиночестве, без униформы, но с сумкой, в мешковатом свитере и джинсах, решительно шагающая по выделенному пути. Новость небывалая!

И хотя Тея знала, что опережает основную делегацию всего на двадцать-тридцать минут, это знание не придавало уверенности. Под грузом многочисленных пристальных взглядов она инстинктивно сжалась, втянув голову в плечи, быстро юркнула к входу. Автоматические створки ворот разъехались бесшумно – не как дружеские объятия, а как холодный, безоценочный механизм, на мгновение допустивший её внутрь.

За этим порогом – келья. За белым пластиком псевдо-ширмы с ее биометрическим окошком, за мерцающей пустотой широкого монитора, сидела она. Девочка в униформе. Цвет формы – грязно-желтый, выцветший, цвет унизительного чинопочитания и тотальной безнадежности карьерного лифта. И весь этот стандартный набор сенсетива – браслеты, лит-панели у висков, аккумулирующие од-энергию – смотрелся на ней не оружием, а таким же атрибутом раба, как и ее унылая форма. Такие же наручники, только электронные. И вся ее власть над проходящими была властью такого же мелкого винтика, которому позволено на мгновение почувствовать свою значимость, нажимая кнопку «запретить».

– Назовите себя, – выдохнула она, и в голосе, несмотря на весь ее жалкий вид, прозвучала неожиданная, казенная грубость.

– Тея Сол, резидент территорий, преподаватель Академии энергетической работы, руководитель архивного учета дел. Класс энергетики: внешний. Экстраверт. Уровень: 990. Астро-идентификация: огонь, – отчеканила Тея, выпаливая заученную, как отчетку, формулу.

– Идентификация наличия резидента по голосу пройдена успешно, – служащая кивнула с тем мертвым, алгоритмическим бесстрашием, какое бывает у машин, и голос ее прозвучал как щелчок тумблера. – Предъявите энергетический ID, подойдите ближе к сканеру... Не шевелитесь.

Девочка поднялась, и вся ее фигурка, уродливая в этом грязно-желтом мешке, высунулась из окошка, словно испытывая отвращение к собственному действию. Из-под стола был извлечен портативный сканер – холодный, блестящий, фаллический символ ее мнимой власти. Она навела его на Тею.

Аппарат засиял белым, слегка синеватым светом, светом мертвенным, леденящим душу. Через мгновение этот свет окутал Тею прозрачной паутиной.

Секунда, другая, третья...

Время остановилось.

В этой паузе, в этом унизительном стоянии под бездушным взглядом прибора, заключалась вся низость ее положения.

Писк. Короткий, деловитый.

Аппарат блеснул зеленым, но не чистым, а каким-то неуверенным, переливающимся в желтый, словно система сомневалась, колебалась, вынося свой окончательный, машинальный приговор. Приговор, от которого зависело, сможет ли она сегодня сделать шаг вперед.

– Вы делали операцию иллюзий? – девушка за ширмой удивленно подняла бровь, и в этом вопросе сквозь казенную формулу проступило нечто человеческое, почти участливое, что странно контрастировало с ее жалкой ролью.

– Да. Давно, уже почти семь лет прошло. Дата регистрации – семнадцатое апреля двести двадцать шестого года, – ответила Тея, и на мгновение на ее лице мелькнула та унизительная, виноватая улыбка, которую принимают лица, вынужденные оправдываться за малейшее отклонение от предписанной нормы. – Извините, нужно было раньше сказать.

– Ничего... – служащая протянула растерянно, уткнувшись в мерцающую плоскость монитора, этот современный оракул, вершащий судьбы. – Регистрация изменений найдена. Сообщите цель визита и согласие вашей ипостаси.

– Посол перехода, – выдохнула Тея, проводя пальцем по воздуху: ее браслеты и лит-панели слегка замерцали. Голограмма-разрешение упала на столик, как опавший лист. – Участвую в связи с болезнью Карла Розенберга.

Служащая молча скользнула взглядом по документу.

– Согласие ипостаси? – бросила она не глядя.

Кровь ударила в виски.

– Нет... Я не замужем. Розенберг – мой клятвенный покровитель на территории Арлюминера. Согласие вложено. Проверьте.

Девочка несколько раз посмотрела на цифровое разрешение. Затем опять на Тею. Затем на монитор.

– Подождите здесь, – служащая вскользь скользнула взглядом по Тее, и не было в нем ничего хорошего.

Шло время. Подросла основная делегация и очередь за Теей постепенно прибывала; недовольные лица все большего количества людей прожигали спину. Через примерно двадцать бесконечных минут к служащей по ту сторону окна присоединился, по всей видимости, ее руководитель. Высокий, тощий непропорциональный мужчина со стрижкой под горшок и узкими очками на носу. Он с чувством, с толком, с расстановкой принялся доказывать Тее, что пропустить он ее не может.

– Мисс Сол, на основании пункта 10 раздела 3 Кодекса Смотрин выборные архонты участвуют в качестве Послов перехода. Послы перехода осуществляют пересечение границ в ускоренном режиме... Все так. Но... Вы не архонт. А порядок прохождения лиц вне статуса не предусмотрен, – он всплеснул руками. – Вынуждены вам отказать в пересечении границы. Покиньте, пожалуйста, контрольный пункт.

Тея покидать ничего не собиралась. Ведь она обещала справиться сама. Значит, справится.

– Послушайте, я отсюда никуда не уйду. И хоть я не по крови арлюминер, но право и долг семьи выполнять обязана. Даже если он – клятвенный, – заявила она.

Руководитель (а про себя Тея начала называть его «руководитель», ибо он не представился) парировал и продолжал гнуть свою линию. Время шло, очередь нервничала и начала перешептываться, а еще спустя время – содрогаться в возмущенных криках.

– Госпожа Сол, вы задерживаете очередь. Мы вынуждены сопроводить вас к выходу, – выдал в заключении уже порядком раздраженный руководитель минут через десять безуспешного диалога. – Коллеги, помогите мисс... – он кивнул куда-то за спину Теи.

Несколько стражей правопорядка в серой форме, до этого дежурившие у входа в пункт, обступили девушку с двух сторон и попытались вытянуть ее из кабинки. Она отчаянно упиралась, вцепившись в створки ворот контрольного пункта, скорее по инерции и от упрямства, нежели понимая, что сможет что-то сделать против них. Последнее чего ей хотелось – подвести Карла спустя только пару часов после их встречи. Еще не хватало, чтобы из-за нее Палата правления заставила донельзя больного Карла Розенберга отправиться на Смотрины.

– Что здесь происходит? – незнакомый низкий голос в этой череде криков, вздохов и возмущений прозвучал как раскат грома.

Служащие и Тея замерли, синхронно обернулись. Со стороны очереди, прорезав ее насквозь, выступил мужчина, высокий, широкоплечий. Что-то среднее между верзилой и интеллигентом. За ним – тенью – двое.

Тея замерла и сглотнула.

И пусть они не были знакомы лично, она прекрасно знала кто перед ней. Тея могла сказать себе, что узнала его по темно-синим глазам, цепляющим каждую мелочь, резким чертам лица и темно-каштановым коротким кучерявым волосам. Могла, но нет! Этого господина выдал его форменный черный твидовый плащ с золотым гербом: тигра, закольцованного в круг из его хвостов в форме стрелы.

– Господин Павервольт, р-рады приветствовать куратора Смотрин! – залепетал руководитель в низком поклоне. – Не нужно было утруждать себя общей очередью, мы бы вас пропустили...

– Добрый, – Павервольт отрезал его, не глядя. Его взгляд, тяжелый и неотрывный, был прикован к Тее. Она почувствовала себя булавкой, приколотой к бархату. – Вы не ответили на вопрос.

– Эта девушка... она... утверждает, что посол... – начал было руководитель, захлебываясь.

– Она посол.

Руководитель онемел. Его лицо исказила гримаса полного краха.

– Посол? Но...

– Я визировал решение у Главы Палаты. Вы оспариваете решение?

Удар ниже пояса. Прямой и безжалостный.

– Но у нее нет ипостаси...

– И? Это не обязательное условие Смотрин. – Павервольт медленно перевел взгляд на него, и в этом взгляде была ледяная ирония. – Тем более в отношении низших сенсетивов, – он брезгливо осмотрел девушку снизу вверх.

Тея сначала подумала обидеться на столь высокомерный жест. Что он себе возомнил?! Да, она не архонт, но такого прямого уничижения не позволяет себе ни один житель Арлюминера! Или не позволял...

– Но прямого упоминания нет... – руководитель выкручивался как мог, пытаясь сохранить лицо.

– И? Что не запрещено – разрешено. Или вы практикуете произвольную трактовку законодательства? – Павервольт удивленно поднял бровь, вопросительно впившись в юркие глаза собеседника.

– Нет! Никак нет! – руководитель побледнел, прекрасно зная о репутации этого господина, в особенности ту ее часть, как он расправлялся с неудобными, и резко толкнул служащую в бок. Та застучала по клавиатуре. Раздался щелчок.

– Можете проходить, мисс Сол, – её улыбка была похожа на гримасу. – Хорошо вам провести время в Меркатории.

Тея, дернув резко руками, вырвалась, кожа под пальцами стражей горела огнем. Затем демонстративно поправила и отряхнула одежду, гордо подняла подбородок, сжала зубы так, что скулы свело, а после развернулась и зашагала вперед, не оглядываясь, чувствуя затылком взгляд. Взгляд от которого становилось не по себе, и все нутро кричало: бежать! Она сдержалась и нарочито спокойно покинула поле зрения господина. Уже после пропускного пункта ее повели по общему коридору, а Павервольта – закрытому. Там она смогла хотя бы немного успокоиться. Ведь сама по себе поездка была делом рискованным, а внимание таких людей и подавно – игра в русскую рулетку: никогда не знаешь, чем обернется выстрел.

Последующие процедуры безопасности протекали с той внезапной быстротой, что рождается не от эффективности, а от хаоса. Система дала сбой: энергоячейки служащих, этих ревностных жрецов контроля, разом отключились, повергнув их в доисторическое состояние. На смену холодному сканированию пришел унижительный ручной досмотр – этот плотский, грешный контакт, противный самой сути их стерильного мира. И здесь, во всеобщем смятении, Тее невероятно повезло – ее живая очередь двинулась быстрее. Не потому, что она была

проворней, а потому, что в соседнем ряду разразилась мелкая человеческая драма: женщина, возопившая против «варварства», сама же и привлекла к себе все внимание, ибо у крика ее, как водится, оказалась причина – ей было что скрывать. Так, по воле слепого случая, или по воли удачи, Тея вскоре оказалась перед Дверью Перехода №5.

– Уважаемые господа и дамы, не задерживаемся! – голос офицера, такого же желтого и унылого, резал воздух, как нож. – Дергаем за ручку, толкаем, проходим! Строго по одному!

Справа раздался вопль. Не протеста, а животного страха: «Я не могу отпустить своего ребенка одного!». Женщина металась, судорожно что-то доказывая, и Тея машинально обернулась на этот звук человеческой муки. И замерла.

В толпе офицеров она, казалось, опять заметила того мужчину... в сером. Он стоял, улыбался и смотрел.

Смотрел.

На нее?

Моргнув, она сделала шаг в обратную сторону, к нему на встречу.

– Тея Сол, вы проходите или остаётесь? – окликнул девушку служащий у дверей. Она остановилась.

– Простите, задумалась, – выдохнула она, обернувшись снова.

Но его уже не было. Никого. Пустота. Лишь желтые мундиры и искаженные тревогой лица.

Подумав, что у нее паранойя, не иначе, Тея парой уверенных шагов пересекла оставшееся до двери пространство и уверено дернула ручку. Почти сразу ее поглотило ослепительное белое сияние, с легкой синевой, похожее на тот самый сканер, но теперь уже смышающее всю реальность. Дверь захлопнулась за ее спиной, позволяя остальным путешественникам продолжить путь.

Переход выплюнул ее, как нечто ненужное и непереваренное. Тея пошатнулась, мир плыл перед глазами, и в горле встал противный, тошнотворный ком. В тысячный раз она мысленно, с какой-то озлобленной нежностью, пожелала здоровья своему другу – профессору истории Карлу Розенбергу, из-за которого ей пришлось отправиться сюда.

Оказавшись на другой стороне, она зажмурилась от света. Вздохнула – и влажный воздух тяжелым, почти осязаемым грузом обрушился на легкие, словно входил в них без спроса. Открыв глаза, она огляделась: каменные громады стен, высокий, до головокружения, расписной потолок, где зеленые тона смешались с астрологическими символами, арки, уходящие в сумрак. Потолок был частично разрушен. Через стекла, установленные на месте пробоин, поблескивали в вечернем солнце небоскребы Меркатории. Тея видела это место в путеводителях – одно из последних чудищ ушедшей эпохи, дожившее до наших дней – Центральный вокзал столицы Проценториума. Здесь – крупнейший транспортный хаб, с которого можно было отправиться в любую из точек страны. Конечно, при условии, что маршрут проложен с учетом доступности территорий и границ Саргума. Ведь закрытых районов в этой части света было не меньше, чем в любой другой.

Тея достала телефон и посмотрела на сохраненный ранее маршрут. Чтобы добраться до пункта назначения, ей нужен автомобиль. Железнодорожный транспорт уже не ходит здесь лет сто, а на воздушный не хотелось тратить средства. Аренда флайера стоила колоссальных, по меркам сотрудника архива, денег.

Пункт назначения – на окраине округа Меркатории. Не ближний свет, конечно, но что делать? Она осмотрела зал, нашла стойку заказа транспорта и взяла в аренду автомобиль. Достаточно раритетный, чтобы дорого не платить, но достаточно надежный, как ей показалось, чтобы не застрять в нем в аварии или не потерять «лишние» детали по дороге.

Уже сидя в машине и настраивая навигатор на требуемую точку назначения, она услышала телефонный звонок.

Посмотрела на дисплей.

Розенберг.

– Да? – она ответила на звонок.

– Альяра... Тея... – послышалось из трубки. Голос Карла был не просто хриплым; он был изношенным, простуженным до самых глубин, каждый звук давался ему ценой долгой, мучительной паузы, с хриплым заглатыванием воздуха, словно человек, пытающийся говорить на излете сил. – Добралась?

– Я в порядке, уже в столице, – отрезала она, с внезапной резкостью откидываясь на спинку сиденья, пытаюсь отстраниться от давящей жалости, которую вызывал этот голос. – Твой голос не стал лучше. Как легкие? Кашель? И кончай с этими имперскими замашками! «Альяра»... – она цокнула языком с раздражением, в котором сквозила давняя, почти семейная привычка. – Ты уже давно не живешь в Империи!

– Прости старика, – просипел он, и в его тоне послышалась та особая, утомленная слабость, которую он так часто использовал как щит. – Все-таки столько лет на севере...

– Да-да, помню, госуправление, культура и прочее... – она резко перебила его, чувствуя, как по счету тают секунды, а с ними – ее деньги и терпение. – Не продолжай, а то наш звонок влетит мне в копеечку. Лучше скажи, ты по делу или просто узнать, как дела у твой «непутевой» протеже? – Она попыталась рассмеяться, но смех вышел коротким и нервным.

– Ха... – Он отозвался смешком, который тут же, страшно оборвавшись, превратился в приступ душащего, разрывающего кашля. В трубке послышался тяжелый, свистящий хрип – отчаянная борьба за глоток воздуха.

– Розенберг! – вскрикнула она, и ее рука сжала телефон так, что кости побелели.

– Звонили... из Аппарата. Не пускали? – он наконец выдохнул, пытаюсь перевести тему, голос его звучал как выжатый лимон.

Карл был в курсе. Как обычно.

– Н-да, как мы и предполагали. Вот только я не думала, что они будут такими принципиальными.

– И как же ты прошла?

– Удивляюсь, что ты не в курсе, – она улыбнулась. – Павервольт неожиданно оказался на границе, а ты же знаешь, что в этом году он курирует Смотрины, а значит и всех послов. Вот и пропустил меня.

– А ты фартовая. Тебе везет. Только вышла за пределы архива и уже познакомилась с элитой Атриума Конкордии, – иронично хмыкнул Карл.

– Да, как утопленнику. Мне еще этого внимания не хватало, достаточно было и того, как надменно они смотрят, видя мой мизерный источник силы, – насупилась она.

– Да... Нужно... было... мне... ехать... – просипел Розенберг и опять зашелся в удушливом кашле. – Кстати, о Павервольте. Он заменил нашего кандидата.

– Что? – она даже рот открыла от изумления, и в душе ее что-то похолодело. – Розенберг, с чего такие изменения? Я уже заплатила за аренду машины!

– Павервольт сообщил, что с несколькими послами заминка, поэтому и переставил кандидатов с учетом, хм, предпочтений их родителей. А насчет машины... Не волнуйся, она все равно тебе понадобится... а ту девушку заберет Озерский.

– Прекрасно! Этот северянин?! – вырвалось у нее с неподдельным отвращением. Рыжего пижона, тающего от самого себя в зеркале и считавшего только красивых и сильных людей достойными его общества, она не переносила. Она в принципе не переносила нарциссических и пустых людей. Возможно, потому что была их полной противоположностью, а может, из-за того, что завидовала.

– Ты спрашиваешь?

– Утверждаю.

– Не дрейфь. Подробности передаст мать на месте. Ты же понимаешь, насколько нам с тобой нужен кандидат... Чем проще, тем лучше....

Она уловила в его голосе ту самую, хорошо знакомую ноту – настойчивую, почти молящую. Ему было нужно, чтобы она согласилась. Нужно до боли.

– И как она отреагировала на изменения? – спросила Тея, вглядываясь в потолок салона, словно ища там ответа.

– Кто? – голос Розенберга дрогнул, он потерял нить.

– Мать! Ты точно в порядке?

– Да, извини. Отвлекся. Холодно... – протянул он задумчиво. – Сказала, что ее отец мной восхищался в молодости... – Пауза затянулась. И вдруг его голос прорвался горьким, почти яростным вопросом, в котором слышалась вся горечь старения и забвения: – Но, Тея, темная материя меня поberi! Неужели я настолько стар, что меня какие-то «отцы в молодости» помнят?

– Ты – прекрасный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете своего семидесятилетия, – выпалила она с нервным смешком, в котором звучала и жалость, и та особенная дерзость, что позволяет себе лишь очень близкий человек, видящий твое слабое место. – По меркам твоей же родины, тебе давно пора на домашний покой, под опеку социальных служб!

Карл в ответ пробурчал что-то ругательное, притворно-ворчливо, но смех его был коротким и тут же оборвался, перейдя в тот самый, душащий кашель, который терзал Тею куда сильнее, чем его слова.

– Розенберг! Всё, замолкай, отдыхай! Вводные я получила, – почти приказала она, чувствуя, как холодная тревога сжимает ей горло.

– Хорошо... тогда... до... – он снова закашлялся, но внезапно резко остановил ее, перейдя на сип. – Постой! Материя, чуть не забыл главное. Царство Алмарант стянула войска к южной границе Проценториума. Тея... на этот раз все серьезно. Я не уверен, что войны удастся избежать.

В трубке повисла тягостная пауза. Тея почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Ты о пацане беспокоишься? – тихо спросила она, уже зная ответ.

– До момента перехода на независимые территории он считается гражданином места рождения. Пока он не перейдет, мы не сможем... – он замолчал, подбирая слова, полные горькой безнадежности.

– Я помню, Розенберг. Я одна. Но обещаю, доставлю твоего «пацана» в целости и сохранности.

– И, Тея... – в его голосе вдруг прозвучала усталая усмешка. – Он не очень-то и «пацан». Скорее, юноша. Ему уже двадцать стукнуло. Ты ему в сестры годишься. Старшие.

– Пацан он и в северном Валдарионе – пацан, – отрезала она с внезапной холодностью, и быстро попрощалась, оборвав его многословие. – До связи, Карл!

Автомобиль тронулся с места и вскоре мчался вдоль длинной полосы побережья. Справа теснилась куча частных домиков, слева – солнце, точно расплавленный шар алого металла, медленно тонуло в черной полосе океанского горизонта. Близился девятый час. Скоро тьма сожрет все вокруг, и искать нужный дом в крошечной темноте было бы верхом безумия. С тревожным вздохом она взглянула на навигатор: до цели – еще минут сорок. Успеть до заката – почти нереально.

С мысленным стоном, подсчитывая в ущерб будущему бюджету сумму вероятных штрафов, она решительно нажала на газ.

Спустя пятнадцать минут она скрылась из виду песчаного побережья, уводя свой автомобиль вглубь континента – выше, в темные петли горных дорог, под сень молчаливого леса, навстречу той тьме, что ждала ее не только на небе, но, казалось, и в самой сути этого внезапной поездки.

Глава 2. Дружба и любовь

«Местом проведения ежегодных Смотров становится одна из трех великих держав: Валдариона, Проценториума или Алмаранта. При этом одна и та же страна не может принимать Смотрины более одного раза в три года.»

– Ст 3. Раздел "Порядок проведения". Кодекс Смотров. 80 год.

Утро началось для Рейнольдса с того, что сама смерть, казалось, поселилась у него в черепе и методично выскребала его содержимое тупыми когтями. Каждый импульс од-энергии, обычно едва заметный, отдавался в висках адской болью; каждый луч света впивался в сетчатку, как отточенная игла. Его тело, изнеженное годами комфорта, восставало теперь против последствий вчерашнего – против яда, который он сам в себя влил. Похмелье было тяжким, о чем свидетельствовало почти наполовину заполненное ведро, стоявшее у кровати, куда он успешно изверг всё, что принял накануне.

Он пошарил рукой по простыням, нащупал очки в черепаховой оправе, надел. Мир встал на свои места, но от этого не стало легче. Персиковые стены, широкая двуспальная кровать с позолоченной металлической спинкой, туалетный столик, уставленный флаконами... За панорамными окнами медленно угасал день; вечернее солнце, сползая к горизонту, отражалось в стеклах столичных небоскребов и прыгало зайчиками по комнате. Осознание, что он не дома, а в особняке Лили Стимс, загружалось в его воспаленное сознание с мучительной медленностью. Наконец, с трудом поднявшись, он нацепил браслеты, закрепил у висков лит-панели с од-накопителями и спустился вниз.

Внизу, за массивным столом, уже собрались его друзья, явно решившие продолжить вчерашнее: кудрявый Арчи Вентворт, разливавший в бокалы мутные коктейли; ухоженная, с холодной красотой Селеста Ройс, едва пританцовывавшая в такт приглушенной музыке; и сама Лили Стимс, колдовавшая на кухне. Рейнольдс слабо улыбнулся.

Лили. Даже в простом домашнем халате она была восхитительна. Нежное лицо, глаза прозрачные, как горные озера, золотистые волосы, спадавшие на плечи... Порой он сам себе не верил, что ему досталась первая красавица курса. Улыбка далась ему дорогой ценой, оттянув на себя последние силы; казалось, даже мышцы лица взбунтовались против этой социальной условности. Но он заставил их. Для них. Для нее.

Друзья его заметили.

– Доброе утро, а может, уже вечер, спящая красавица! – не отрываясь от шейкера, бросил Арчи свою ослепительную, выверенную улыбку. Его бархатный голос резанул слух, как напильник. – Как самочувствие, о Прометей, похитивший огонь с виноградников Бахуса? Продолжим?

Рейнольдс мычанием ответил, плюхнувшись на диван. Спина благодарно приняла опору, дав понять, что это – предел его нынешних возможностей. Ногой он задел пустую бутылку; та со звоном покатилась, увлекая за собой соседние. Убираться здесь, видимо, не спешили: гостиная представляла собой поле после битвы – пустые бутылки, коробки от еды, конфетти, чье-то забытое белье... Всё говорило об удавшейся вечеринке.

– Не дразни его, Арчи, – мягко, почти без интонации, сказала Селеста, не прекращая своих плавных движений. Ее темные волосы были убраны в небрежную, но идеальную прическу; шелковый халат облегал стан, будто вторая кожа. Она выглядела так, словно только что сошла с подиума, а не провела ночь в пьяном угаре. – Он вчера был... чрезмерно откровенен.

«Откровенен». Слово, короткое и острое, воткнулось в мозг Рейнольдса. Оно пульсировало там, напоминая о вчерашнем позоре. Картины всплывали обрывками, но с той пронзи-

тельной, унижительной ясностью, которую дарит только похмелье. Только отравой был не алкоголь, а поток его собственных слов.

Вчера праздновали начало Смотрин. А внутри у него была лишь глухая, ледяная тишина. Он смотрел на пузырьки в бокале и думал: «Неужели я этого хотел?».

Он мог остаться. Наследник империи «Аура». Человек в идеально скроенном костюме, чья жизнь расписана на десятилетия вперед. Безопасная клетка из стекла, стали и ожиданий. Но он рванул прочь. Ему захотелось что-то доказать. Доказать Лили с ее ясным, бесстрашным взглядом. Доказать призраку отца, тень которого растянулась на всю его жизнь. Доказать мачехе Маргарет, которая смотрела на него как на неудачную, но единственную копию великого оригинала.

В глубине, в самой темной и тихой части души, он надеялся. Искренне, по-детски надеялся, что не пройдет. Когда две недели назад на экране планшета он увидел свою фамилию не в конце, а в середине списка, мир накренился. Он физически ощутил, как почва уходит из-под ног. Дворецкий в панике бросился за успокоительными. Маргарет, ворвавшись в комнату, не стала его жалеть – она резко хлопнула его по щекам, вернула к реальности.

«Соберись, – сказала она, и в ее глазах горела не материнская тревога, а азарт биржевого игрока, увидевшего неожиданный рост акций. – Ты теперь кандидат. Ты должен сиять».

Он весь тот день просидел в комнате, не чувствуя ничего, кроме всепоглощающего страха. Смотрины казались ему не испытанием, а приговором. Для одной стороны.

В нем жили двое. Один – тот, кто жаждал прочности, предсказуемости, каменной стены распорядка. Кто боялся перемен, как боялся темноты. Другой – тот, кто панически боялся разочаровать. Разочаровать тень отца. Разочаровать Маргарет, чья холодная, расчётливая любовь была единственной, что у него осталось от понятия «семья». Разочаровать Лили, которая смотрела на мир как на поле для подвига, а не на выставочный зал для манекенов. Эти двое вели внутри него тихую, отчаянную войну. И вчера, под аккомпанемент глупых тостов и притворного веселья, эта война вырвалась наружу.

Сначала он, с натянутой улыбкой, выпалил, что Смотрины – архаичный цирк, а его будущее здесь, среди небоскребов. И тут же увидел в глазах друзей ту самую, мгновенную диагностику: «мальчик на побегушках у собственного наследства». Паника, острая и тошная, накрыла с головой. И он начал кричать обратное. О долге, о шансе выковать свое имя, сбросить родовое ярмо. Говорил громко, хрипло, чувствуя, как по щекам разливается позорный, предательский жар. Они должны видеть уверенность. Сомнение – это запах неудачника. Запах, который не выветривается.

– Кофе. С коньяком, – выдавил он, обращаясь в пространство между Арчи и Селестой.

– У Лили твой эликсир уже готов. Сейчас принесет, – кивнул Арчи, наливая в бокал что-то зеленовато-мутное. – К слову о вчерашней искренности... Ты там такое городил про «долг памяти» и «испытание Смотринами». Ты ведь не всерьез, Рей?

Вопрос повис в воздухе, невинный, как пух. Но внутри у Рейнольдса что-то болезненно сжалось.

– А что? – попытался он вложить в голос ту небрежную браваду, которой так виртуозно владел Арчи. Получилось сипло и фальшиво. – Дедлайн подходит. Послы перехода сегодня приезжают. Надо как-то определяться.

Селеста замерла. Ее раскосые глаза уставились на него с неподдельным, как показалось, интересом.

– То есть вчерашняя тирада о том, что лучше утопиться, чем участвовать в Смотринах, теперь означает «надо определиться»? Это новое слово для трусости? Рейнольдс, милый, ты смотришь на это как на экзамен. Ты хоть понимаешь, что это такое?

Он не понимал. Его отец, Алан Никсон, изучал одическую энергию всю жизнь, до самой смерти. Водил дружбу с архонтами, был желанным гостем в Атриуме Конкордии, хоть и не

был арлюминером. А Рей... Он знал лишь, что Смотрины – не экзамен, а ритуал. Шанс для горстки сильных сенсетивов стать архонтами – хранителями знания и порядка. Для него это никогда не было единственным путем. Скорее – стечением обстоятельств: бывший беспризорник, приемный сын гения, чей уровень силы поднялся на полторы тысячи единиц. Поэтому его и включили в списки. Поэтому его приемная мать наконец-то обратила на него внимание, а потом помогла ему пройти этот отбор. Поэтому...

– Еще не решил, но это точно возможность, – выдавил он глухо, глядя на свои холеные, не воинственные руки. – Шанс доказать, что я... что я чего-то стою. Без его имени.

– Если это твой шанс, то чего ты трясешься? – Арчи подвинулся ближе. Рейнольдс в ответ посмотрел с таким видом, что Арчи, хоть и был его другом, поднял руки в знак примирения. – Не смотри на меня так! Сам же вчера об этом говорил!

Из кухни вышла Лили. Она несла две чашки дымящегося кофе. Из одной явственно пахло коньяком. Ее появление было подобно лучу света в темной комнате; боль на миг отступила, сменившись смутным трепетом. Простой белый халат, слегка растрепанные волосы делали ее лишь прекраснее.

– О чем речь? – спросила она, ставя перед ним чашку. Ее пальцы легонько коснулись его руки. Электрический разряд прошел по телу, заглушив похмельную ломку.

– Рей всё еще грезит подвигами, – с легкой усмешкой сказала Селеста. – Собирается бросаться на амбразуру.

– Да нет же! – буркнул Рейнольдс, пряча взгляд в чашке.

Лили села рядом, так близко, что он почувствовал ее тепло. Ее кристальные глаза нашли его, заглянули прямо в душу, полную страха и сомнений.

– Рей... – ее голос был тихим, почти шепотом, предназначенным только ему. – Вчера, помнишь, ты говорил? Ты сказал, что боишься. Боишься не оправдать его ожиданий. Осрамить его память.

Он сглотнул. Да, говорил. Пьяный, размякший, он изливал ей свои самые потаенные страхи. И она слушала. Всегда слушала.

Чтобы он делал бы без нее? Кем был?

Рей уже не знал.

– Это нормально – бояться, – продолжала она, кладя свою прохладную ладонь поверх его руки. – Но зачем делать то, чего боишься? Ты не инженер. И не воин... Да, ты знаешь теорию, управление од-энергией... Но это же... Арчи прав. Это фатум. Ты – наследник лучшей компании. Ты же хотел путешествовать, мир увидеть. Поднять дело отца. А если пройдешь Смотрины – обратного пути не будет. И твоя мать... потеряет и тебя, как потеряла его. Я знаю, у вас сложно... Но она любила твоего отца до...

Она не договорила. Не нужно было. Смерть изобретателя при испытаниях. Тень «несчастливого случая» уже два года витала над семьей, над его наследием. Маргарет пыталась поднять предприятие, но светская львица не могла стать гением. Никогда.

– Лили права, – поддержала Селеста. – Ты думаешь, послы перехода приедут пить с тобой чай? Они приедут отбирать бойцовых петухов. Ты готов быть петухом, Рей? Ты, который падает в обморок при виде крови из порезанного пальца?

Над этим смеялись неделю назад. Тогда это казалось милой чудаковатостью. Теперь ощущалось как клеймо.

– Ты так говоришь, как будто знаешь их лично! – огрызнулся блондин.

– Послушай, – Арчи облокотился на стол, и лицо его стало серьезным, почти отеческим. – Мы твои друзья. Мы не хотим, чтобы тебя сломали. Ты должен сохранить компанию отца, а не растоптать её в попытке что-то доказать. Управляй поместьем, продолжай дело. Сними это бремя с матери. Это – твое. А Смотрины... – он махнул рукой, – это для других. Для голодных, для тех, у кого нет выбора. Для таких, как Лили. Ей терять нечего. Тебе – есть.

– Можно было не напоминать... – насупилась Лили.

– Прости, Лил! Но это правда. Твой отчим сказал, что содержать не намерен. Бесплатное образование – только через Арлюминер.

– Есть еще Валдарион и Алмарант, – холодно добавила Селеста, но Арчи было не останавливать, этот человек любил быть в центре внимания, а внимание любило быть в центре него.

– Речь о реальности, а не фантазиях! Ты думаешь, Лили мгновенно получит гражданство и квоту?

– Перестаньте... – прошептала Лили. – Вы и так достаточно подробно обрисовали мои перспективы.

– В общем, Рей, – Арчи отхлебнул из бокала. – Ты слишком многого лишишься, если ввяжешься. Сделай себе имя. Сколоти состояние. Глядишь, и Лили прихватишь в жены, – он подмигнул девушке, та густо покраснела.

– Но отец восхищался архонтами... – почти бессвязно вставил Рей.

– И не стал им! – мягко, но неумолимо сказала Селеста. – Алан Никсон – легенда. А ты? Допустили по благу, из уважения к памяти. И все это знают. Хочешь, чтобы шептались за спиной?

Он посмотрел на их лица: уверенную силу Арчи, холодную грацию Селесты, хрупкую надежду Лили. Они были его друзьями. Они видели его истинную суть. А эта «возможность»... Вчера она казалась долгом. Сегодня, сквозь боль и страх, – детской блажью.

Лили сжала его руку.

– Останься, Рей. Не иди туда. Ради меня. Мне будет спокойнее, если ты будешь здесь, в безопасности. После Смотрин... если я пройду... всё изменится.

Она была единственной, кто поддерживал его. Помогала на экзаменах. С ней можно было просто молчать. И сейчас в ее глазах стояли слезы. Настоящие. Этого он вынести не мог. Весь хлипкий замок из амбиций и долга рассыпался в прах перед простым человеческим желанием – быть нужным, быть любимым, не рисковать счастьем, которое казалось таким близким. Он глубоко вздохнул. Головная боль отступила, уступив место гнетущей, но странно спокойной пустоте.

– Ладно, – тихо сказал он, отводя взгляд. – Вы правы. Это... безумие.

Арчи похлопал его по плечу.

– Вот и умник! Селеста, налей ему покрепче. Отмечаем возвращение блудного сына к здравому смыслу!

Лили улыбнулась, и ее улыбка была как солнце, разрывающее тучи. Она мягко поцеловала его в щеку.

Он улыбнулся в ответ. Слабо. Облегчение от принятого решения смешалось с ноющей внутренней пустотой. Эту пустоту нужно было срочно чем-то заполнить, и рука сама потянулась к бокалу. Но в этот момент телефон на столе завибрировал настойчивым, нудным гудком. На экране горело: «Мать». Реальность ворвалась в их уютный мирок.

Рейнольдс с раздражением взял трубку. Голос вдовы был, как всегда, сдержан, но сегодня в нем проскальзывала несвойственная озабоченность. Не нежность – скорее беспокойство о хрупком активе.

– Рейнольдс, ты в порядке? Я звонила всю ночь и утро! Ты не отвечал!

– Жив-здоров, – буркнул он, чувствуя на себе взгляды друзей. – Ты по делу? Мне некогда, – отрезал он грубо.

– Сын, зачем ты так? Я ведь...

– Маргарет, не нужно. Я задал вопрос!

На той стороне вмиг разбилась обиженная тишина. Дальше голос был уже тихим, еле слышным.

– Посол будет только к девяти. Задерживается, – пробормотала она.

– Понял.

– Рейнольдс, подожди... Приезжай пораньше. К восьми. Тебе нужно прийти в себя. Ты звучишь... не лучшим образом. Марта приготовит тебе поесть. Невозможно производить впечатление на пустой желудок.

Неуклюжая, непривычная забота обожгла сильнее любого упрека. Женщина, годами не замечавшая его, теперь вдруг играла в материнство.

– Не надо, – процедил он сквозь зубы. – Я в порядке. Не нужно этого пафоса. Думаешь, если я поем и надену лучший костюм, посол падет к моим ногам? Или к твоим?

Пауза. Когда она заговорила вновь, в голосе снова был только холодный металл.

– Я думаю, даже проигрыш требует достоинства. Твой отец...

– Отец мертв! – резко оборвал он. В гостиной на мгновение стихли все звуки. Он отвернулся, понизив голос до шепота, полного горечи. – И ему всё равно. Буду к девяти.

Он бросил трубку, не дожидаясь ответа. Рука дрожала.

В наступившей тишине Арчи первым взорвал бездействие – он всегда был сгустком необузданной энергии, лишенной предохранителей.

– Проблемы, друг?

Он налил полный бокал и сунул его Рейнольдсу в руку.

– Никаких, – фыркнул тот. – Матушка внезапно озаботилась моим питанием. Как будто тарелка супа что-то изменит.

– Абсолютно, – поддержал Арчи. – Ты всё решил. Отпусти.

Но отпустить не получалось. Лили, видя его расстройство, обняла. Арчи не унимался.

– Эй, а где тот самый музыкальный инструмент? Ты же клялся сыграть нам серенаду. «Души зашевелиятся» – помнишь?

– Гитара? – рассеянно переспросил Рейнольдс. Его взгляд упал на футляр у дивана. Да, он притащил ее вчера, желая блеснуть, но не решился. – Не стоит.

– Стоит! – вмешалась Селеста, в ее голосе прозвучал легкий, но неотразимый приказ. – Мы вчера не дождались. Покажи свой талант.

Лили взглянула на него с мольбой.

– Пожалуйста, Рей. Для меня.

Под этим взглядом он не мог устоять. Напряжение в плечах, ком в горле – музыка всегда была спасением. Он на автомате подошел к футляру, открыл его. Внутри лежала старая, потрепанная акустическая гитара – подарок отца много лет назад. «Инженеру важно чувствовать не только логику, но и вибрацию мира», – сказал тогда отец. Он никогда не был виртуозом. Играл для себя.

Рейнольдс взял инструмент. Знакомый вес, шершавость грифа успокоили его. Он перебрал струны. Звук был глуховат, чуть расстроен, но живой. Он закрыл глаза, позволив пальцам найти простой, горьковатый мотив. И запел тихо, с надрывом:

«Пики карточных замков строим на столе,

Из фальшивых улыбок и трепетной лжи.

Мы пьем за успех, за чужую мечту,

Пока за окном наша тонет во льду.

И я отдал свой клад, свой туз, свой король

За тепло твоих рук, за твою боль, за твою боль...

И пусть эта гитара играет мне вслед,

Что выбора нет... что выбора нет...»

Когда последний аккорд затих, в комнате повисла тишина. Первым, как всегда, нарушил ее Арчи, легонько похлопав.

– Мрачновато, но с душой. Прямо под настроение.

– Настоящий бард декаданса, – фыркнула Селеста, но одобрительно. – Теперь буду пить с осознанием трагедии бытия.

Лили смотрела на него заворуженно.

– Это было... пронзительно, – сказала она, и в ее голосе звучала та самая, сладостно-мучительная жалость, которая заставляла его чувствовать себя значительным в своем падении.

Теперь, когда песня вытянула последние нервы, настала пора окончательного забвения. Рейнольдс молча налил себе виски. Полный бокал. Осушил залпом. Алкоголь ударил в голову, наливая тело свинцовой тяжестью и даря долгожданное онемение. Пустота заполнилась густым, ядовитым туманом.

Через несколько часов он поднялся, едва не опрокинув стул.

– Всем пока. Еду домой. Буду ждать этих важных птиц.

– Удачи, старина! Жаль, меня не будет – хотел посмотреть на их лица, когда ты им всё выложишь! – крикнул Арчи.

– Бывай, – кивнул Рей, поцеловав Лили в макушку.

Он вышел на улицу, где его ждал фамильный флайер. Рядом, неподвижный и массивный, стоял Вэрбеорн, его телохранитель. Рейнольдс на мгновение замер, разглядывая его. На лице наемника всегда была маска – черное ничто, пропасть вместо лица, от которой Рей содрогался. Вэрбеорн молча открыл дверь, впуская волну алкогольных испарений. Его каменное лицо не дрогнуло.

– Домой, – бросил Рейнольдс, с трудом втискиваясь в сиденье. – Навстречу моей великой судьбе!

Флайер с тихим гулом взмыл в воздух. Рейнольдс откинулся на спинку, глядя на уплывающие огни города, побережья, виллы Стимс. Он чувствовал себя свободным. От долга, от ожиданий, от самой возможности быть кем-то. Он ехал не просить шанс. Он ехал показать этим послам, что это не он их недостоин, а они – его.

Вэрбеорн, не отрывая глаз от маршрута, бросил на него короткий взгляд. Взгляд, в котором не было ни осуждения, ни одобрения. Только знание. Знание того, что за этой бравадой скрывается сломленный мальчик, и никакой алкоголь не отдалит тот миг, когда ему придется взглянуть в глаза последствиям своего выбора.

Глава 3. Сила и честь

«Сенситиву присваивается статус кандидата только после поручительства Посла перехода. До момента поручительства Посол перехода, представляя себя лично или же семью иного рода, обладает свободой выбора и может отказаться от кандидата и участия в Смотринах. В случае если сенситиву отказано в участии в Смотринах, то он лишается возможности дальнейшего участия в текущем году и в любом следующем.»

– Ст. 5. Раздел «Кандидаты». Кодекс Смотрин. 80 год.

– Твою бездну! – вырвалось у Теи сдавленным шепотом, в котором звучал не гнев, а скорее холодное, окончательное прозрение, приговор самой себе и всему этому дню.

Дряхлый арендованный конь издал предсмертный хрип, судорожно дернулся раз, другой – и замер, окончательно и бесповоротно. Он словно уперся в невидимую стену, наотрез отказавшись покорять эту чертову гору.

– Кажется, это бойкот... – пробормотала девушка себе под нос, и в ее голосе прозвучала странная, усталая усмешка.

Навигатор, этот бесстрастный электронный оракул, холодно указывал: пять минут пути. На машине. Пять минут вверх по этой каменистой змее, которую с великой натяжкой можно было назвать дорогой. Низкая подвеска капитулировала двадцать минут назад, и теперь она, Тея, пожинала плоды собственной недальновидности. Надо было брать внедорожник... Но кто мог подумать, что этой дорогой почти не пользуются? Что она ведет не просто в поместье, а в некое отгороженное от мира царство?

Десять вечера. Лес вокруг дышал сырым, хвойным мраком.

С глухим стуком она захлопнула дверь, закинула на плечо скромную дорожную сумку – свой единственный скарб в этом предприятии. Стараясь не вглядываться в сгущающуюся тьму меж деревьев, она зашагала вверх.

Широко и бодро.

В начале.

Попутно вспоминая Карла и желая ему крепкого здоровья. Нельзя сказать, что Тея не любила лес, природу, свежий воздух. Нет. Она любила это куда больше, чем душные стеклянные башни Меркатории, улицы из бетона, лишённые единого куста. Однако свежий воздух требовал выносливости и подготовки, которых у Теи за последние семь лет не было от слова совсем. Поэтому путь в гору давался тяжело, с одышкой, с колющей болью в боку. Но, будучи по природе упрямой, она шла, не останавливаясь. Упрямство было ее вторым именем, а первое, кажется, она сама давно забыла.

Спустя несколько сотен шагов, за поворотом, в разрыве холмов показались они – высокие каменные стены, темные и безмолвные, как склеп. Дорога упиралась прямо в них, в массивные железные ворота, черной язвой врезавшиеся в каменную плоть. Ограда была вплетена в опоры ретрансляторов од-энергии – тонкая, но красноречивая деталь.

– Стой! – ее окликнул черный силуэт, появившийся над воротами. В свете внезапно вспыхнувших прожекторов лица его было не разглядеть. – Назовите себя!

– Тея Сол, Посол перехода Арлюминер, прибыла для протекции и обучения нового кандидата, – сказала она достаточно громко, чтобы голос не дрогнул от усталости. – Вместо заболевшего Карла Розенберга, – добавила она, слегка помедлив.

– Оружие?

– Только стандартные энергоисточники: лит-панели, браслеты и блоки моделирования.

– Положите блоки моделирования на землю. Отойдите.

Тея скривилась. Она сомневалась, что этот страж знает, как выглядит ее блок. Но выкладывать движок на сырую землю? Мало ли... Однако она лишь натянуто улыбнулась, швырнула сумку на грунт и отступила на четыре метра, ощущая себя разоруженной и уязвимой, как червяк на крючке.

Ворота с тяжелым, скрипучим стоном отворились. И из-за них вышел... Он.

Сенсетив высокого уровня. Она инстинктивно отпрянула, кровь застучала в висках. Человек двигался медленно, выплывая из-под свода. Мужчина? Женщина? Голос, искаженный модулятором, никогда не давал ответа. Серый приталенный камзол, переходящий в плащ. И маска... Маска была воплощенным ужасом – не предмет, а клубящаяся черная пустота, воронка, затягивающая в себя свет и, казалось, сам взгляд. У висков – холодное светло-голубое сияние проводников. Перчатки из черной кожи скрывали руки, но у запястий обрывались, обнажая такое же зловещее свечение резервных контуров. Тея вздрогнула. Безликие маски – удел наемников, тех, кто не имеет лица и совести, кому запрещено появляться без этого атрибута на людях.

– Назовите уровень, астроспециализацию и направленность силы, – прозвучало не как просьба, а как приказ, брошенный после беглого осмотра ее сумки.

Тея изо всех сил натянула маску ледяного спокойствия, за которой скрывалась паника и жгучее унижение.

– Простите, но как лицо, находящееся под протекцией Арлюминера, я не имею права разглашать информацию, относящуюся к обстоятельствам моей задачи. Ваш запрос подпадает под это ограничение, – она говорила ровно, почти механически. – При этом, – демонстративно окинув его с ног до головы, добавила она, – Вы не похожи на международного офицера при исполнении.

Сенсетив замер. Его маска-пустота была обращена к ней. Тея была готова поспорить, что его разрывает от злости. Минуту длилось молчание, тяжелее любого крика.

– Ждите здесь, – наконец изрек он и растворился за воротами, которые с тем же скрежетом начали смыкаться.

– Будто у меня есть выбор, – горько буркнула Тея, прислоняясь спиной к холодной, шершавой поверхности ограды.

Она лениво, почти автоматически, окинула взглядом местность, позволив деталям складываться в картину. Не крепость, нет. Скорее, резиденция, пропитанная не столько древностью, сколько холодной уверенностью в своей неприкосновенности. Место, где безопасность – не крик, а молчаливая данность. Высокая точка для контроля. Дорога внизу просматривалась идеально – ее приближение заметили давно и помогать не спешили. Узкая тропа, стена с одной стороны, отвесная скала с другой. И наемник-сенсетив в роли привратника? С правом на убийство? Это говорило либо о баснословном богатстве, либо о секрете, который охраняли пуще жизни. Право найма таких стражей имели лишь первые три уровня власти. Она перечислила их про себя, как скучную инструкцию: первый – глава государства; второй – его правая рука или претендент; третий – региональный наблюдатель, фигура вне стран. Кто из них причастен к этому дому?

Скрип ворот, на этот раз менее громкий, вывел ее из раздумий. Из-за них вышел не наемник, а пожилой мужчина, метр с кепкой, в безупречном фраке, с лицом, вырезанным из воска, и взглядом, устремленным в точку над ее левым ухом.

– Мисс Сол? Госпожа Никсон будет рада вас принять. Добро пожаловать в «Серебряные кедры». Прошу следовать за мной в Зимний сад.

Ворота она пересекла с ощущением, что попадает в иной мир. Резкий переход от сырого мрака леса к ухоженной, продуманной до мелочей красоте. Название оказалось буквальным: широкая аллея, обрамленная высокими кедрами с хвоей серебристо-голубого оттенка, вела к монументальному особняку в стиле неоклассицизма. Безупречные газоны, клумбы с ночными

цветами, испускавшими сладковатый аромат, и тихий, почти неестественный покой. Справа – хозяйственные постройки, из ангара на крыше с шумом взмывал в небо небольшой старый флайер, оставляя за собой едкий шлейф.

Дворецкий молча сопровождал ее до поместья, затем провел ее через несколько залов, обставленных с бездушным, музейным совершенством. Ни пылинки, ни случайной вещи. Ни признака жизни.

Зимний сад оказался стеклянным куполом, пристроенным к дому. Под ним буйствовала жизнь. Плотный, влажный воздух ударил в лицо, пахнувший землей, орхидеями и чем-то тропическим, гнилостно-сладким. Между гигантских листьев мерцали огоньки светлячков, заключенных в эту рукотворную экосистему.

В центре этого зеленого хаоса, на изящном кованом диванчике, сидела она. Женщина воплощенной холодной элегантности. Она курила длинный мундштук, медленно выпуская дымовые кольца. Темные волосы, уложенные в строгую безупречную прическу, подчеркивали бледность лица с тонкими, четко очерченными чертами. Ее платье простого кроя из переливающейся ткани стоило, Тея была уверена, больше ее годовой зарплаты. На коленях – раскрытая книга, но взгляд устремлен вглубь сада. Она медленно перевела его на Тею. Глаза цвета старого льда, внимательные, проницательные.

– Прошу, присаживайтесь, – ее голос был ровным, бархатистым, без единой нотки гостеприимства. – Чай?

– Не откажусь, спасибо, – Тея опустилась на указанный стул, поставив сумку рядом. Маргарет, заметив это, едва заметно поджала губы. Тея чувствовала себя громадным, неуклюжим мотыльком, влетевшим в коллекцию бабочек.

Женщина отложила книгу. Ее взгляд скользнул по фигуре Теи – средний рост, плотное телосложение, простая поношенная одежда, мышинные распущенные волосы, серые, ничего не выражающие глаза. Тея знала, что видит Маргарет. Антипод образу могущественного посла, который культивировал Карл Розенберг.

– Маргарет Никсон. Рада приветствовать вас, мисс... Сол, если я не ошибаюсь? – Она протянула руку с идеально ухоженными ногтями. Рукопожатие было твердым, быстрым, холодным.

– Не ошибаетесь, – кивнула Тея, не пытаясь улыбнуться.

– Я расстроилась, узнав о замене. Очень скоростно... – в голосе прозвучал холодный интерес.

– Я обладаю всеми необходимыми полномочиями, – сухо ответила Тея.

– Разумеется, раз вас пропустили, – Маргарет сделала глоток чая. – Просто я знаю Карла... Вернее, его репутацию. Человек-легенда. Его работы фундаментальны. Его личная сила... впечатляла. Замена внезапная. Я даже собираюсь позвонить нашему общему знакомому, господину Павервольту, прояснить ситуацию. Вы с ним знакомы?

Маргарет Никсон, без сомнения, была акулой светских вод. И сейчас она прощупывала почву.

– Пересекались, – размыто подтвердила Тея. – Куратор Смотрин всегда дисциплинирован.

– Он всегда любезен, когда этого требуют обстоятельства, – улыбнулась Маргарет, но улыбка не дала тепла. – А как себя чувствует Карл? Надеюсь, его недуг не опасен?

– Состояние здоровья моего покровителя – не предмет для светской беседы, миссис Никсон, – Тея поставила чашку с четким стуком. – Я здесь по делу. Мне следует ознакомиться с профайлом кандидата.

Дуэль светской львицы и безразличного обывателя, наделенного властью, была в разгаре. Тея вела себя как бульдозер, и это раздражало. На лице Маргарет мелькнула тень досады.

– Конечно. Дело прежде всего. – Она щелкнула пальцами.

Дворецкий вернулся с тонким планшетом. Маргарет протянула его Тее.

– Мой сын. Рейнольдс Никсон.

Тея взяла планшет. На экране – лицо молодого долговязого мужчины двадцати лет. Светлые волосы, зеленые глаза, в взгляде – надменность, приправленная грустью. Очки. Приятная, но не выдающаяся внешность.

Сведения о семье.

– Он... приемный? – удивленно уточнила Тея.

Маргарет вздохнула, словно это была ее самая большая, изысканная печаль.

– Да. Я не могу иметь детей. Мы с покойным мужем усыновили Рейнольдса семь лет назад, во время волнений в Валдарионе. Мальчик остался один, мы решили дать ему все. – Голос звучал как заученная речь благотельницы, и в нем нельзя было разобрать, чувствует ли она что-то к названному сыну или лишь исполняет роль.

– Ваш покойный супруг был главным инженером «Ауры»? – спросила Тея.

Гордость, на этот раз неподдельная, осветила лицо Маргарет.

– Алан был не просто инженером. Он был сердцем и мозгом. «Аура» – его детище. Компания, создавшая континентальную сеть транспортировки од-энергии. После его кончины... влияние угасло. Но «Аура» по-прежнему монополист в трети штатов.

Тея кивнула, листая дальше. Специализация – огонь. Уровень – чуть больше тысяча двучсот единиц. Достаточно высоко. Но данные были сухими. Они не говорили о душе.

В этот момент из холла донесся шум. Громкие, нечленораздельные возгласы, спотыкающиеся шаги. Звуки последствий веселой вечеринки. Лицо Маргарет помрачнело; в глазах вспыхнуло молниеносное бешенство, тут же задавленное железной волей.

Дверь распахнулась с силой.

На пороге стоял наемник. Его маска-пустота была обращена вперед, а в руках, как мешок с тряпьем, он нес молодого человека. Рейнольдса. Тот был бледен, растрепан, взгляд мутный. От него несло перегаром.

– Мамошка... – просипел он, скривившись в пьяной ухмылке. – Я в... порядке...

– Рейнольдс! – ее голос прозвучал как удар хлыста. – Что это значит?! Вэрбеорн!

– Алкогольное опьянение, миссис Никсон, – безразлично констатировал наемник.

– Отпусти, больно... – забормотал Рейнольдс.

Маргарет, сжав губы, кивнула. Вэрбеорн разжал руки. Рейнольдс рухнул на пол, ударившись коленом о мрамор. Он болезненно завыл, с трудом поднялся, оперся о плечо телохранителя.

– Вот я... вернулся... – он вытер рот, и его взгляд упал на Тею. Он медленно, с преувеличенным интересом оглядел ее. – А это... кто? Новая горничная? Мам, ты наконец уволила старую Марту?

– Рейнольдс, замолчи! Это мисс Тея Сол, Посол перехода от Арлюминера.

На его лице – непонимание, затем гримаса отвращения и злобной насмешки.

– О, Боги... Ты? Посол? И посмотреть-то не на что! – он засмеялся, хрипло. – Чему ты меня научишь? О долге? О чести? – он сделал шаг в ее сторону, дыхание густое, кислое. – Знаешь, что... все ваши Смотрины... этот балаган... ваши арлюминеры с их иерархией... это все дерьмо! Я выше этого! Слышишь?

Он был жалким и отталкивающим. Запоздалый для его возраста подростковый бунт, помноженный на хмель и внутреннюю боль. Тея молча смотрела на него, лицо каменное. Она видела не наследника, а испуганного, заблудившегося мальчишку. Мальчишку, который уже с первой встречи раздражал.

Бесил!

– Я вижу, вы не в состоянии вести диалог, – холодно сказала она, поднимаясь и стараясь из-за всех сил сохранить самообладание. В конце концов они не одни. – Я зайду завтра.

– А, вот так? Увидела с кем работать и сбегаешь? – он загородил дорогу, глаза блеснули озорством тирана. – Давай-ка ускорим!

Он поднял руку. Обруч и браслеты вспыхнули алым светом. Ретрансляторы в углах замигали. Воздух затрепетал от жара.

– Рейнольдс, нет! – запоздало вскрикнула Маргарет.

Он щелкнул пальцами. Тонкая струйка пламени лизнула подошвы кроссовок Теи. Раздался шипящий звук, запах паленой резины. Тея с резким вскриком подпрыгнула. Рейнольдс повторил еще раз. Девушка инстинктивно отшатнулась, споткнулась о ножку стола и тяжело рухнула на пол. Боль, острая и унижительная, пронзила ступню. Щеки горели.

Тея распласталась на мраморе, слушая его торжествующий, истеричный хохот. В глазах потемнело от ярости. Где-то на краю сознания – крик Маргарет, безразличный взгляд Вэрбеорна. Но это было далеко – за гранью спокойствия, которое ей годами вдалбливал Розенберг.

Она медленно поднялась.

Не вскакивала, а именно поднялась, как нечто древнее и грозное, пробудившееся ото сна. Лицо бледное, в серых глазах – ледяная ярость. Они встретились взглядами. Смех Рейнольдса застрял в горле.

Он увидел это и, пьяный инстинкт заставил его шагнуть назад. Снова поднял руку.

Но Тея была быстрее.

Ее браслеты и панели вспыхнули не алым, а ровным, ослепительно-белым светом. Он был так ярко, что на миг ослепил всех.

– Мелкий, испорченный пацан, – ее голос прозвучал тихо, но каждый слог врезался, как пуля. – Ты играешь с огнем, не понимая, что сжечь можешь не только себя. Никогда не клади руку в пасть тигру, думая, что он ручной.

Она просто провела указательным пальцем перед собой по воздуху, чертя идеальный горизонтальный полукруг. Улыбка с лица Рейнольдса исчезла мгновенно. Глаза округлились от ужаса. Он схватился за живот, издал клокочущий звук, и его вырвало. Долго, мучительно, прямо на пол.

Маргарет ахнула.

Тея, не меняя выражения, провела рукой еще раз.

Рейнольдс снова скрючился от приступа. Тело выгибалось в спазме.

– Прекратите! – закричала Маргарет.

Но Тея смотрела только на него. Она снова провела рукой. И снова. Она делала это с холодной, методичной жестокостью хирурга.

– Я сказала, хватит! – Маргарет бросилась к ней, схватила за руку, но та лишь стряхнула ее.

– Вэрбеорн, сделайте что-нибудь!

Телохранитель оставался недвижим. Его контракт, вероятно, не покрывал защиты от послов Арлюминера.

Увидев на полу дорогую вазу, Тея подошла, взяла ее и поставила перед Рейнольдсом.

– Пожалуйста, – просто сказала она. – В нее.

И снова провела рукой. Он, почти без сознания, повиновался.

– Довольно! – голос Маргарет сорвался на шепот. – Я умоляю! Он мой сын!

В этот момент ее взгляд упал на руку Теи. На указательном пальце – кольцо с ониксом, залитым густым, абсолютно черным цветом, поглощающим свет. Управляющий элемент. Прямое вмешательство в вегетативную нервную систему.

– Нет... – прошептала она, рухнув на колени. – Пожалуйста... не делайте с ним... Я все выполняю... что скажете...

Тея на мгновение закрыла глаза. Гнев отступал, сменяясь тяжелой, гнетущей усталостью. Ей было противно от содеянного, но иного выхода не было. Иногда только боль может достучаться до тех, кто погряз в собственном нигилизме.

Она разжала пальцы. Спазмы прекратились. Рейнольдс лежал на полу, в рвоте, тяжело дыша.

– Встань, – приказала Тея.

Его тело подчинилось. Он поднялся, пошатываясь, глаза полны слез, стыда и страха.

– На колени.

Он рухнул на колени. Воля была сломлена.

– Извинись. Передо мной. Перед матерью.

– Про... прости... – выдавил он. – Простите...

Тея подошла, опустилась на корточки, чтобы быть с ним на уровне.

– Слушай внимательно, пацан, – прошептала она так, чтобы слышал только он. – У тебя есть пять дней. Если по их истечении я не увижу тебя в посольстве Арлюминера, я лично подаю отказ. Ты навсегда останешься здесь, в своем золотом загоне, жалким сынком, наследником компании, которая тихо умирает. И вся твоя жизнь будет напоминать этот вечер – унижительную истерику, после которой стыдно смотреть в зеркало. Понял?

Он кивнул.

– Телефон?

Рей с трудом достал девайс. Тея брезгливо вытерла его о его же одежду, записала свой номер.

– Это для пропуска в посольство.

Тея выпрямилась, кольцо скрылось в рукаве. Она повернулась к Маргарет, которая все еще сидела на полу, дрожа.

– Прошу прощения за беспорядок, миссис Никсон, – сказала она с ледяной вежливостью.

– Надеюсь, в следующую встречу обстановка будет... более здоровой, – она подошла ближе, тихо, так, чтобы слышала только Маргарет. – А если встречи не будет... Что ж, мистер Никсон больше никогда не станет архонтом. Хотя в его случае, может, это и к лучшему...

Потом она развернулась, направилась к выходу, но на пороге обернулась, бросив последний взгляд на Рейнольдса.

– И еще кое-что, пацан, – сказала она, и в голосе впервые прозвучало нечто, отдаленно напоминающее сожаление. – Эти слова, что ты кричал... эта поза бунтаря... Это не твое. Подумай, пока есть время. Кто тебе друг, а кто – просто зритель в твоём цирке. Будущий архонт должен видеть фальшь.

И она вышла, оставив за собой гробовую тишину, запах рвоты и двух сломленных людей – мать на полу и сына на коленях – в их слишком большом, слишком тихом, слишком прекрасном доме.

Ночь за стенами встретила ее пронзительной свежестью. Тея глубоко вдохнула, пытаясь очистить легкие от запаха богатства, страха и чужих проблем. Впереди – долгая дорога до города. Но сейчас, с тлеющими кроссовками и вкусом победы, отравленным горечью необходимости, она чувствовала себя куда более живой, чем все обитатели «Серебряных кедров», вместе взятые.

Глава 4. Сеть и прах.

«Од-энергия не исчезает. Она может быть трансформирована, передана, заключена в кристалл или инструмент. Полное и беспричинное опустошение энергетического контура сенситива, ведущее к распаду материальной оболочки, считается теоретически невозможным. Случаи, описанные как «иссушение эфира», либо являются ошибкой наблюдения, либо указывают на вмешательство силы, лежащей вне известных нам законов.»

– Основы энергетической стабильности, учебник для старших курсов Академии энергетической работы, Атриум Конкордии.

Николас Павервольт ненавидел трупы.

Нет, это была не брезгливость аристократа, не суеверный трепет обывателя перед бездной небытия. Его отвращение было сугубо профессиональным, почти бюрократическим. Труп – это прежде всего проблема. Окончательная, неоспоримая, многослойная. Есть тело – значит, есть дело, которым кто-то должен заниматься; есть родственники, которых нужно уведомить; есть отчёты, которые нужно составить. И, что хуже всего, почти наверняка где-то поблизости слоняется убийца, нарушающий своим существованием стройный, отлаженный порядок вещей, за поддержание которого Николас и получал своё немалое жалованье.

А ещё мёртвые – это тишина. Та самая тишина, что звенит в ушах громче любого взрыва и в которой так отчётливо слышны собственные, не всегда приглядные, мысли. В Арлюминере гибель сенситива – дело относительно обыденное. И в этом не было криминала: кто-то не справился с накопителем, кто-то вовремя не принял транквилизатор, кто-то материализовал собственный кошмар... В начале карьеры, ведомый юношеским максимализмом, он ещё пытался выяснить причины – искал взаимосвязи, но находил только сухие факты смертей. Местные шептались о «проклятии архонтов», и, в сущности, это могло быть верно, ведь умирали в основном они. Но если в Арлюминере – стране фантазий и кошмаров – внезапная смерть могла сойти за обыденность, то за границей это было событием исключительным. Значит, попадало под юрисдикцию минимум Палаты правления и, как бы ему ни хотелось, в случае со Смотрянами – его лично.

Флайер Николаса, угольно-чёрный бесшумный скат, скользил над спящим Меркаторием. Город в предрассветной дымке походил на брошенную деталь гигантского механизма – холодную, инертную, усыпанную окаменевшими искрами фонарей. По бокам проплывали шпили и стеклянные громады небоскрёбов; внизу тянулись бетонные дороги и кварталы, похожие на стружку, снятую с поверхности мира. А на горизонте, там, где ночь начинала размываться грязно-лиловым сиянием, поблёскивали проклятые зеркала Саргума. Они впитывали утренний свет, отдавая его обратно тусклым, больным свечением, словно поверхность гигантского, покрытого струпьями существа. Павервольт скривил губы. Великие защитные сооружения, хранители безопасности. Для кого-то – щит, для кого-то – клетка. Здесь, в Проценториуме, зеркала делили сушу на покинутые земли, а море – на нейтральные воды пролива. В детстве, до того, как стать архонтом, Николас часто выходил в море на дряхленькой «Джо» – яхте, которую они с другом вытащили из руин старого мира и потихоньку восстановили. Когда же он переехал в Арлюминер, море для него закончилось: это была единственная страна в мире, заключённая в зеркальное кольцо и не имевшая выхода к воде. Никто толком не понимал, как вообще смогло сохраниться поселение, отрезанное от мира больше полувека, и при этом преумножить знания и технологии, доставшиеся после Великой катастрофы. Многие говорили, что всё благодаря единственному уцелевшему кардиолиту, но в этом была доля скепсиса – одного источника од-энергии мало для выживания человечества. Так или иначе, население выжило и основало

Арлюминер со столицей Атриумом Конкордии. Страну, которая стала чтить энергию и кровь больше, чем жизнь тех, кто к ним не принадлежал.

– Подлетаем, сэр, – прервал череду воспоминаний пилот.

Николас лишь коротко кивнул. Он провёл ладонью по лицу, ощущая шершавую кожу и впадины под глазами. Без завтрака. Раздражение копилось в нём, как статическое электричество, готовое разрядиться в первого, кто посмотрит не так. Он до последнего надеялся, что авось пронесёт, что тела, для опознания которых его вызвали, окажутся кем угодно – заблудившимися туристами, неудачливыми контрабандистами, – только не ими. Не послами. Но надежда эта была по-детски ироничной. Он прекрасно знал: по меньшей мере двое послов Арлюминера, покинувших его границы, бесследно исчезли. И несколько кандидатов тоже канули в воду. Хотя с кандидатами всё сложнее – могли и не доехать, загулять, передумать. Но послы... Послы обязаны были выйти на связь. Во-первых, для граждан Арлюминера нет ничего важнее долга семьи. Во-вторых, передвижение арлюминеров без соответствующего предписания сурово карается. Мало кто из архонтов готов пожертвовать безбедной жизнью и силой ради призрачной свободы. Поэтому вариант «бегства» Николас даже не рассматривал.

Флайер с мягким шипением приземлился на залитой асфальтом площадке перед зданием из серого, голого бетона – главным моргом Меркатории. Над входом в грубый фасад была впечатана гигантская барельефная тень: скелет, обвитый змеями посоха Асклепия. Эмблема. Предупреждение. Memento mori для целого города. Территория была оцеплена. Блестящие на утреннем холоде шлемы стражей, тусклый блеск оградительных лент. Служащих, к его удовлетворению, убрали. Ещё не хватало, чтобы какая-нибудь газетная крыса пронюхала и разнесла весть о найденных телах.

Дверь отъехала, и в салон ворвался влажный, промозглый воздух, пахнувший ранним утром. Павервольт вышел, запахнув плащ. Его уже ждали.

– Николас Валерьянович, – молодой человек с открытым, слегка простоватым лицом и умными, быстро бегающими глазами сделал короткий, почти армейский кивок. Лев Векселеров. Его тень, его правая рука. Человек, которому он когда-то, в горниле валдарионской революции, вернул не только жизнь, но и само право дышать. С тех пор преданность Льва была слепой, почти собачьей, что временами раздражало, но чаще вызывало щемящее чувство где-то глубоко под рёбрами.

– Докладывай, – бросил Павервольт, направляясь к входу. Кожаные туфли гулко отстукивали по асфальту.

Лев засеменил рядом, доставая планшет.

– Ситуация по заменам, Николас Валерьянович. Как вы и распорядились, к кандидату Лили Стимс направлен Максим Озерской. К кандидату Рейнольдсу Никсону – соответственно мисс Сол, она замещает Ару Зоэрвал.

Знакомое имя заставило его резко остановиться.

В памяти всплыло бледное, упрямое лицо девушки на границе, её плечи, напряжённые под взглядом стражников. Серые глаза, серые волосы средней длины, мешковатая одежда, коренастая фигура – смотреть-то не на что. Серая моль. На границе Николас даже поймал себя на мысли, что не может запомнить, как она выглядит: казалось, стоит моргнуть – и образ в сознании рассеивался. Это заставляло вглядываться в каждую черту, каждую деталь её одежды. Он помнил усилия, которых ему это стоило.

Николас сам, раздражённый чередой исчезновений, вписал её имя в резерв на подмену, машинально, почти не глядя, и благополучно забыл.

– Сол... – протянул он, и уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. – Ну, Маргарет будет счастлива. Её тонкая натура просто не выдержит такого визита. Представляю, как она щурится, разглядывая эту... серую пыльцу из архива.

– Маргарет? – переспросил Лев, его лицо выразило искреннее непонимание. Николас с удивлением понял, что эту часть своей биографии помощнику он до сих пор не рассказывал.

– Никсон. Вдова моего покойного друга Алана, – пояснил Павервольт, снова трогаясь с места. – Иногда присматриваю за ней и за её сыном. Кандидатом. По которому, между нами, ремень давно плачет. Избалованный щенок с завышенной самооценкой и амбициями, превышающими способности.

Они прошли несколько метров по безликому коридору, и шаги эхом отдавались от голых стен. Павервольт молчал, и молчание становилось напряжённым, тяжёлым.

– Это странно, – тихо, скорее для себя, повторил он.

Лев моментально среагировал:

– Что именно, Николас Валерьянович?

– Ты знаешь, кто такой Карл Розенберг?

– Обижаете, я же из Валдариона... Карл Всеволодович был настоящей звездой. Я помню, его фамильный герб даже на юбилейных банкнотах напечатали после того, как он одержал победу под Змеиным курганом и вернул больше трёхсот человек с той стороны...

– Да... Этот инцидент дал ему билет в благополучную жизнь – переезд в Арлюминер, сохранение титула под защитой Палаты. Старый хитрый лис... – Павервольт задумался. – Я только одного не могу понять. У него был доступ к лучшим умам Арлюминера, к потомственным семьям с безупречной родословной. Он мог выбрать кого угодно в протеже. А взял... её. Почему?

Лев пожал плечами.

– Не знаю, Николас Валерьянович. Нужно навести справки? Может, у неё какие-то скрытые таланты? Или... родство?

Павервольт махнул рукой, словно отмахиваясь от мухи.

– Нет, не надо. Не трать время. Так, пустой интерес. Просто... не сходится пазл. Розенберг – человек, чья личная сила и интеллект всегда вызывали уважение. Он не из тех, кто берёт под крыло первого встречного недоучку. Должно быть что-то. Что-то, что не видно с первого взгляда.

Он снова представил её лицо. Это было на удивление сложно. Обычное. Серьёзное. Испуганное, но не сломленное. В глазах – не заискивание, а упрямая, почти звериная готовность выстоять. Будто за этой невзрачностью скрывалась стальная пружина, сжатая до предела.

– Может, Розенберг просто сжалился? – предположил Лев простодушно. – Подобрал на улице, как котёнка?

– Карл? – Павервольт фыркнул коротким, сухим, безрадостным звуком. – Он не из тех, кто собирает бездомных животных. Скорее из тех – кто их топит. У него на всё была причина. Всегда.

– Люди меняются к старости...

Николас откровенно рассмеялся и покачал головой, отгоняя мысли. Какое ему, в сущности, дело до какой-то штатной архивистки? Карьера шла в гору, Смотрины были на носу, нужно было решать вопрос своего брака, ипостаси, а он размышлял о мотивах старого больного человека. Павервольт мысленно отложил образ Теи Сол в дальний угол сознания, как откладывают странную монету, найденную на дороге. Но ощущение, что эта монета может оказаться древней и ценной, поселилось в нём глубоко и стало тихо, настойчиво зудеть.

Они продолжили путь, спустились в подвал. Местные стражи после досмотра пропустили их вглубь. Их встретила гробовая тишина, пахнувшая хлоркой и чем-то сладковато-приторным, отчего свело желудок. Флуоресцентные лампы бросали на стены мертвенный, синеватый свет. Льва, казалось, не смущала обстановка, он чётко докладывал о подготовке к Смотрам.

– И последнее, – пролистал экран Лев. – Единственный кандидат, оставшийся без посла на данный момент, – Ся Линь Вэй. Из Алмаранта.

Павервольт хмыкнул без веселья.

– Блестяще. Просто идеально. – Голос его был низким, нарочито спокойным, но в нём, как стальная струна в толще льда, чувствовалось напряжение. – Царство Алмарант уже стянуло дивизии к проценторианским рубежам. Они ухватятся за это, как голодный пёс за кость. Обвинят Проценториум в преднамеренном саботаже. Эту ситуацию нужно обрубить на корню. Немедленно.

– Но наша политика... мы традиционно не вмешиваемся во внутренние дела суверенных держав. Разве не так? – Лев произнёс это не в виде возражения, а скорее как проверку почвы под ногами.

– Да. Пока причина конфликта – не мы, – отрезал Павервольт с едкой, саморазъедающей иронией. – А сейчас причина, похоже, именно мы. Или то, за что мы отвечаем.

Они остановились перед массивной дверью из матового сплава. Надпись «ПРОЗЕКТОРСКАЯ» была вытравлена кислотным-холодным шрифтом. Выше, под потолком, тускло пульсировал аварийный фонарь. Его грязно-красный свет, словно запёкшаяся кровь, мерно бился в такт тишине – пульс умирающего помещения.

Павервольт толкнул дверь плечом. Та распахнулась беззвучно, выпустив навстречу волну вымороженного, стерильного воздуха.

Пять столов. Пять неровных холмов под чёрным полимерным полотном. Ткань неловко, кощунственно обрисовывала силуэты, и именно в этой обрисовке крылся ужас. Не было привычной тяжести человеческого тела. Была зловещая лёгкость, будто под тканью лежали не люди, а пустые, смятые коконы.

У дальней стены, будто желая раствориться в штукатурке, замер судебно-медицинский эксперт. Его халат был безупречно белым на фоне серых стен, а лицо – того же пепельного оттенка, что и плитка на полу. Он не кивнул, не сделал шага навстречу. Он был немой, бледным свидетелем того, что не поддавалось ни протоколу, ни пониманию.

Павервольт подошёл к первому столу и сдёрнул покрывало. То, что он увидел, заставило его замереть. Тело было обуглено, но не как после пожара – оно было словно высушено, испито досуха. Кожа, почерневшая и потрескавшаяся, обтягивала кости так плотно, что казалось, под ней не осталось ни плоти, ни влаги. Мумия, созданная не временем, а чьей-то адской, непостижимой волей. От тел не пахло тлением, лишь слабым запахом гари.

– Все пятеро в таком состоянии, – тихо прошептал эксперт. – Никаких следов внешнего воздействия, кроме... этого. Как будто из них высосали всю од-энергию. Эфир, если хотите.

Павервольт медленно обвёл взглядом все пять столов. Надежда окончательно испарилась, оставив после себя лишь холодную, тяжёлую уверенность.

– Всем вон, – его голос прозвучал тихо, но с такой неоспоримой властью, что эксперт и двое санитаров бросились к выходу. Он повернулся к Льву. – И ты. Жди за дверью. Никого не впускать.

Когда дверь захлопнулась, он остался один. В центре этого храма смерти, под безжалостным светом ламп, взирая на пять истлевших оболочек.

Нужно открыть Сеть.

Он знал, что такое подключение к Сети душ Арлюминера. Это был соблазн и проклятие. Можно было потерять себя в океане чужого сознания, можно было подсесть на поток чужой силы, как на наркотик.

По углам прозекторской стояли стационарные блоки моделирования, массивные, как сейфы. Но он не был уверен, что они выдержат. Одно дело – использование од-энергии рядом-ым сенситивом, другое – мощь архонта.

Он расстегнул плащ, сбросил его на стул. Пальцы нашли в кармане жилета три небольших холодных шара. Его личные, портативные блоки. Левитирующие сферы – интерфейс между волей и бездной.

Щелчок. Браслеты-резервуары на запястьях наполнились энергией. Тусклая вспышка – и стальные лит-панели на висках замерцали холодным сиянием.

Шары в руках заурчали, завибрировали и, оттолкнувшись, взмыли вверх. Три точки, расположенные в вершинах равностороннего треугольника, зависли в воздухе. Из них хлынул серебристый, призрачный свет, заливая помещение. Морг преобразился, став похож на алтарь.

Николас встал в центр треугольника, твердо упираясь ногами в кафельный пол. Закрыв глаза. Глубокий, медленный вдох. Это был прыжок с обрыва.

– Кириэль-ве... – его шёпот повис в ледяном воздухе.

Выдох.

Из его полукруглых губ выпорхнуло солнце. Крошечный, пульсирующий ступок яркого света. Сфера. Искра его души. Ключ к коллективному сознанию од. Нить его сферы была яркой, толстой, сильной – признак принадлежности, статуса и нестигаемой воли.

Сфера зависла перед ним. Николас протянул к ней руку, не касаясь, лишь направляя. И тогда блоки моделирования вспыхнули.

Это был не звук. Взрыв безмолвного света.

Из его сферы, из обугленных тел на столах, из самих шаров-интерфейсов изверглись мириады световых рек. Они сплетались, извивались, создавая непостижимо сложную, пульсирующую карту мира. Это была сама суть бытия: бурлящие реки од-энергии, океаны потенциала, галактики связей.

Четыре истинных света переливались перед ним. Алая артерия кровных уз. Тёплый, медовый золотой поток наречённого родства и дружбы. Холодные серебряные цепи формальных договоров. И глубинная, пугающая синяя бездна – непостижимые потоки архонтов. Пепельными призраками вились эхо угасших жизней, шёпот неотмщённых душ и литан.

Николас стоял в эпицентре этого шторма. Его лицо исказила гримаса, в которой агония смешалась с экстазом. Его руки двигались с жестокой, отточенной грацией, выдёргивая из сверкающего хаоса нужные потоки – те, что вели к пяти ледяным телам.

Экстаз сменялся болью. Каждое прикосновение к нити умершего было током последнего вопля – в мозгу вспыхивали снопы искр: чей-то ужас, чьё-то отчаяние. Он хватал эти нити и искал в этой буре отзвуки алых артерий, эхо золотых потоков. Мёртвые отдавали ему своё эхо – эхо истины, смешанное с ядом, разъедающим душу.

Минуты, показавшиеся вечностью, прошли. Наконец, он разжал пальцы. Световые реки схлынули. Шары-интерфейсы погасли и с тихим стуком упали на пол. Его собственная сфера медленно вернулась в него, оставив во рту вкус горечи.

Николас открыл глаза. Мир плыл. Он пошатнулся и прислонился к металлическому столу. В висках стучало, сердце бешено колотилось.

Он сделал несколько глубоких вдохов, собрал волю в кулак, накиннул пальто и крикнул хрипло:

– Векселеров!

Дверь распахнулась, впуслав бледного, испуганного Льва.

– Николас Валерьянович? Вы в порядке?

– Двое, – перебил Павервольт, с силой выпрямляясь. Он указал на первый и третий столы.

– Вейл Коэр. Ара Зоэрвал. Надежды не оправдались. Остальные трое... не наши. Не архонты.

Он подошёл к раковине, с силой включил воду и умыл лицо, пытаясь смыть липкую пелену чужих смертей.

– Отправь запросы по кандидатам, что не подтвердили прибытие. Пусть местные стражи съезжают, постучат. Все оставшиеся обязаны прибыть в Меркаторию через несколько дней. Выясни, все ли на месте. И приготовь мне развёрнутый доклад по Коэру и Зоэрвалу: связи, контакты, маршруты.

– Слушаюсь, – Лев засеменил, делая пометки. – И... Николас Валерьянович? Насчёт Ся Линь Вэй? Без посла...

– Найди кого-нибудь! – рявкнул Павервольт, оборачиваясь. Нервы были натянуты до предела. – Любого свободного с допуском из резерва! Или убеди кого-то из действующих взять второго кандидата!

Он снова глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки. Плечи обвисли.

– Договорись о встрече с Кассиусом Вэнсом. Срочно. Теперь это не частный инцидент, а международный. Президент Проценториума должен быть в курсе, что на его территории кого-то превращают в... в это, – он мотнул головой в сторону столов.

Лев кивнул.

– А глава Палаты правления? Нужно ли сообщать?

Павервольт закрыл глаза. Да, старый паук в своей паутине в Арлюминере должен знать всё. Всегда.

– Да, – тихо сказал он. – Сам сообщу. Нужно держать его в курсе. Тем более он прибудет к Смотринам. Пусть знает, что в его идеально отлаженном мире завелась моль. И поставь встречу с Амалией, порядок организации Смотрин нужно изменить, в связи с этим... инцидентом.

Глава 5. Сделка и долг

«1. Ипостась признаётся пожизненной энергодуховной связью, учреждаемой между двумя лицами противоположного или комплементарного энергетического регистра через санкционированный Ритуал Кровного Единения.

2. Основная правовая цель ипостаси – создание стабильного симбиотического контура женской и мужской энергий для взаимной энергостабилизации, профилактики диссоциативных состояний (включая «Безумие Архонтов») и повышения социально-экономической полезности.»

– Ст. 5. Определение и статус. Указ об энергетический устоях и статусе сокровенных связей. Арлюминер. 50 год

Николас Павервольт не обсуждал личную жизнь. Не потому, что её не существовало – женщины в ней, конечно, присутствовали. Он просто методично вытравливал из себя всё, что отдавало сантиментами, а уж о любви и говорить не приходилось. Зачем? Любовь – пелена на глазах, сладкий яд, парализующий волю. Ему же требовались ясность, хватка, власть. Всё, что можно было вырвать у этого мира клыками и когтями, он вырывал.

Его друг, покойный Алан Никсон, являл собой полную противоположность: муж, отец, служака. Алан свято верил, что Николас сгинет в своём ледяном одиночестве, и потому с завидным упрямством пытался «пристроить» его – отыскать «ту самую», правильную женщину.

Бесполезно.

Их вкусы расходились столь же радикально, как и взгляды на жизнь. Алан ценил в дамах красоту, безупречный лоск, умение быть украшением на руке мужа и лицом семьи. Николас же не имел никаких предпочтений. Вообще. Это и выводило Алана из себя: как подбирать ключ, если замка не существует?

«Такое равнодушие к собственному будущему до добра не доведёт, Николас», – ворчал он.

И оказался чертовски прав. Холостяцкий статус сделался ржавой, скрежещущей шестернёй в карьерных часах Павервольта, отсрочив его вхождение в аппарат Палаты правления на несколько лет. Так что в главном Алан угадал.

Но в выборе женщин... Здесь у Николаса всегда таилось сомнение. Алан был падок на статусных, холодных, дистанцированных красавиц. Именно такую – Маргарет – он и повёл под венец. Светская акула. Расчётливая, отполированная, беспринципная.

И вот эта самая Маргарет Никсон уже три часа неподвижно ждала в его приёмной.

Три часа ожидания.

Цифры на часах, встроенных в массивный дубовый стол, налились свинцом. Три часа, проведённые Маргарет в его приёмной, были не просто свидетельством её настойчивости. Они являлись молчаливым ультиматумом, вызовом, брошенным в аккуратно выстроенный мир его расписания. В хаосе последних суток – подготовка Смотрин, пять обугленных тел, нервный срыв Ся Линь Вэй, давящая необходимость доклада Добролюбову и Вэнсу – вдова Никсон опустила на самый низ его списка приоритетов, в туманную область «когда-нибудь, если выдастся минута».

Минута не выдалась. Вместо этого вдова Никсон явилась сама и позволила себе ждать его целых три часа. Это значило, что дело пахло либо крупными деньгами, либо серьёзной проблемой. А с Маргарет проблемы всегда были особенными – оправленными в золото интриг и опутанными паутиной светских условностей, в которой он чувствовал себя слоном в посудной лавке.

Николас не любил пустых разговоров, а ещё больше – когда на него перекладывают ответственность за чужие затруднения. Поэтому, в отличие от Алана, всех вопрошателей он имел привычку отправлять восвояси, не устаивая вниманием. В его философии, если человек с головой на плечах и всеми конечностями на месте – у него есть всё, чтобы решить вопрос самостоятельно. Но и у этой философии имелись пределы. Пределы, заключающиеся в чувстве долга, тяготевшего над его душой по отношению к вдове погибшего друга. Именно это чувство не позволило ему отдать приказ и выставить её за дверь. Несколько часов он оттягивал момент встречи, сознавая, что от неё он больше потеряет, чем приобретёт. От Маргарет ему ничего не было нужно, а вот наоборот...

Сидя в кресле, он мысленно перебрал возможные причины визита. Дела в «Ауре»? Но с её финансовыми отчётами он помог разобраться и без её присутствия. Рейнольдс? Возможно, она провела о вчерашнем... инциденте в морге? Нет, информация была запечатана печатью Арлюминера и Проценториума, выше не бывает.

Чувство, знакомое до тошноты, – тяжёлая, вязкая смесь напряжения, усталости и той особой тоски, что возникала всякий раз, когда он сталкивался с призраком Алана. Долг чести, который он платил по частям. Старый школьный друг, гениальный чудак, который когда-то, в далёкие, пропахшие пылью школьные годы, протянул ему руку. Не Павервольту-архонту, а Нику – худому, злому пацану с промозглых окраин, которого все обходили стороной. Алан не обошёл. Он поделился бутербродом, а потом – схемами, знаниями, верой. Помог выбиться в люди. И теперь Николас был обязан. Не по закону, не по контракту. По долгу чести, пусть и не кровному, что для него как для архонта являлось наивысшей ценностью.

С глухим стуком он опустил ноги с подставки на пол. Оттягивание лишь усугубляло неизбежную попытку светской беседы.

– Лев, – его голос прозвучал в системе связи кабинета. – Впусти миссис Никсон.

Одним лёгким движением он одёрнул рукава рубашки, спрятав несколько булавок – активаторов его управляющего элемента. Того единственного, что он в детстве смог сохранить в бедных кварталах Меркатории.

Вскоре дверь открылась бесшумно. И на пороге возникла она. Маргарет Никсон. Как всегда, безупречная. Платье из плотного шёлка, скроенное так, чтобы подчёркивать не броскость, а дороговизну. Жемчужное ожерелье – единственное украшение, но такое, что стоило годового содержания всего его штата. Каждая прядь волос была уложена в строгую, безукоризненную геометрию; ни один волосок не смел выбиться из строя, словно и они боялись нарушить хрупкий порядок её мира.

Ирония судьбы висела на ней незримым саваном. Владелица «Ауры», технологического колосса, – и при этом с тех самых пор, как од-выброс унёс жизнь Алана, она панически боялась приближаться к портативным источникам энергии. Её запястья и виски были пусты, лишены привычных браслетов и лит-панелей – словно ампутированы. Она управляла империей энергии, не смея прикасаться к её источнику, как прокажённая. Николас знал: для неё, женщины, чья душа лежала к музыке и поэзии, «Аура» была не призванием, а тяжким крестом, возложенным на неё любовью к мужу-чудаку и чувством долга перед его наследием. Она носила эту компанию, как траурное платье, – потому что должна, а не потому, что желала.

Но была одна деталь, малая, почти неприметная трещина в этом фасаде из фарфора и стали, что заставила Николаса внутренне насторожиться. Её осанка. Обычно – прямой, как клинок, позвоночник аристократки, воспитанной держать спину даже под градом пуль. Сейчас... едва уловимый, но для него кричащий изгиб в плечах, сломленная линия, выдававшая тяжесть, которую она несла. И тень в глазах. Не просто усталость, а та самая, глубинная тень растерянности, что не смывалась ни дорогим тональным кремом, ни светской улыбкой. Тень загнанного в угол зверя, пытающегося сохранить видимость достоинства.

Это было ново.

– Маргарет, – он сделал несколько шагов навстречу, голос настроил на частоту вежливого, нейтрального участия. – Прошу прощения за ожидание. Непредвиденные обстоятельства.

– Николас, – она протянула ему руку. Её пальцы в тонких перчатках были холодными. Рукопожатие – быстрым, как всегда. – Я прекрасно понимаю. Твоё время на вес золота. Я бы не побеспокоила, если бы не... крайняя необходимость.

Он жестом, коротким и точным, указал на кресло напротив. Она опустилась с той же безупречной, вымуштрованной грацией, что и двадцать лет назад. Молчание, опустившееся между ними, было не пустым – оно было густым, тяжёлым, как неостывший асфальт после летнего дождя.

– Чай, сэр? – в дверях, как тень, возник секретарь.

– Для миссис Никсон – эрл грей, с лимоном, без сахара, – отчеканил Павервольт не задумываясь. Он помнил. Помнил все эти мелочи, как помнит тактико-технические характеристики оружия. Это была не вежливость, а часть его службы. Его долга. – Мне – чёрный кофе. Двойной эспрессо. Без всего.

Маргарет кивнула, и слабая, натянутая улыбка, похожая на трещину в глазури, тронула её губы.

– Ты всегда так внимателен к деталям, Николас.

– Внимание к деталям – это то, что отделяет порядок от хаоса, – он опустил в своё кресло, сложив руки на столе в замок. Его взгляд, тяжёлый и пронзительный, уставился на неё, словно скальпель, готовый к вскрытию. – Итак, Маргарет. Чем обязан визиту?

Он видел, как она внутренне сжалась, но внешне лишь провела ладонью по безупречной складке платья, сглаживая несуществующую морщинку.

– Хотела выразить свои искренние поздравления с назначением. Руководитель Смотрин... это весомая ступень. Большая честь.

Он отмахнулся, словно смахивая назойливую мошку, чьё жужжание мешало сосредоточиться.

– Честь? – В его голосе прозвучала короткая, сухая усмешка. – Не унижай нас обоих, Маргарет. Это не честь. Это – функционал. Очередной рычаг в машине, которая ведёт к единственному, что имеет значение. К настоящей власти. К постоянному месту в Палате. Всё остальное – либо ресурс, либо помеха.

– И всё же... ты до сих пор не обрёл ипостась, – мягко, но настойчиво заметила она. – А ведь наличие супруги – обязательное условие для получения того самого «билета в Свет», как мы когда-то в шутку называли Палату.

Холодная усмешка стала шире, обнажив что-то острое и безжалостное.

– Не сакрализируй брак, Маргарет, – его голос стал неожиданно резким, металлическим. – В наше время он давно превратился в инструмент. В сделку.

– Но...

– Не беспокойся обо мне. Подбор кандидатуры уже идёт. Найти женщину с подходящими параметрами происхождения, силы и... управляемости не составит труда. На иное я никогда и не рассчитывал, – он отпил глоток обжигающего кофе, его взгляд упёрся в тёмное окно, в отражение их с Маргарет силуэтов, наложенных на ночной город.

– Но совместимость энергии... она должна выдержать твой уровень...

– Как и я – её, Маргарет! – его голос резко взметнулся, на мгновение сорвавшись в раздражение, но тут же был взят под железный контроль. – Твоё беспокойство затрагивает сферы, где оно неуместно. Семья в её сентиментальном понимании – это слабость. Моя единственная привязанность – это Арлюминер. Моя единственная ипостась – служение. Всё остальное – тактика.

Он видел, как она слегка отшатнулась от этой тирады, но тут же взяла себя в руки.

– Да, возможно, ты прав, – её голос дрогнул. – Алан... Алан всегда говаривал, что из вас двоих именно ты – прирождённый лидер. Он с юности называл себя «инженером-недотепой», а тебя – «человеком, который способен строить миры из первоначального хаоса».

Павервольт хмыкнул, и в этом звуке внезапно прорвалась неподдельная, горьковатая нежность, как луч света в заброшенной комнате.

– Твой муж, при всём моём к нему почтении, был ужасным льстецом. Но в одном он, увы, был прав – в инженерии я был никудышным теоретиком. Практики, в отличие от него, предпочитал избегать, – он глубоко вздохнул; сердце сжалось в скорбной тоске. – Помнишь, как мы едва не отправили в небытие нашу школьную столовую?

На лице Маргарет мелькнуло нечто тёплое, живое, почти девичье, выхваченное из небытия памятью.

– Священный лит, не напоминай! Это же была его безумная идея – «обогащить питательную ценность» горохового супа с помощью точечного выброса од-энергии прямо в кастрюлю!

– Наши браслеты вспыхнули, как дешёвые гирлянды на карнавале... – Павервольт покачал головой, и на губах его играла странная, почти болезненная улыбка. – А потом этот чан... Великие духи, этот чан! Он взорвался с таким грохотом, будто сам Саргум рухнул. Липкое гороховое месиво покрыло всё – раздаточную линию, кухню, нас... Мы стояли, два юных идюта, облепленные дьявольской зелёной массой с головы до ног, а директор заходился в таком нечеловеческом крике, что, казалось, стёкла в радиусе мили должны были треснуть.

Они улыбнулись, погрузившись в воспоминания. В наступившей тишине, в дорогом, казённом кабинете повис призрак – пахнувший пылью школьных коридоров, глупыми мальчишескими амбициями и той бесшабашной дружбой, что давно обратилась в прах.

– Он бы тобой гордился сейчас, Николас, – тихо, почти шёпотом, произнесла Маргарет, отводя взгляд в сторону, словно боялась смотреть на него.

Павервольт резко оборвал улыбку. Он ненавидел эту фразу. Она была как пощёчина.

– Он бы пожалел, что связался со мной, – парировал он, и голос его вновь стал жёстким. – Но мы не для того здесь, чтобы вспоминать об Алане. Так ведь? Как «Аура»? Держитесь на плаву или уже тонете?

На её лице появилось привычное выражение – смесь усталой гордости и вечной, подспудной тревоги.

– Держимся. Мне, конечно, не хватает его гения... и его, прости, людоедских качеств. Алан мог вести за собой людей, мог разорвать конкурента в клочья одним лишь взглядом. Я... у меня это получается с трудом. Но мне хватило дальновидности не упустить компанию и найти себе в штат одного из серьёзнейших инженеров Проценториума.

– Неужели Люциус Квант? – Павервольт приподнял бровь. – Маргарет, этот малый, по слухам, фанатичный безумец. С ним один разговор – и хочется продезинфицировать не только руки, но и кору головного мозга.

– Он гений, Николас, – парировала она, и в голосе её зазвучали нотки защиты. – А с гениями, как известно, сложно. Нам ли с тобой не знать? Но я нашла к нему подход. Тёплое место, удобное кресло, стабильное питание и... минимум ограничений на его изобретения. Правда, – она вздохнула, поставив чашку, – его «изобретения» стоили мне годовой страховки целого исследовательского отдела.

– Неужели? – Николас откинулся на спинку кресла, ему стало искренне любопытно. – И что же натворил ваш гений?

Маргарет вздохнула, и вздох этот был полон такого отчаяния, что граничил с комическим.

– В последний раз, – начала Маргарет, и в голосе её зазвучали смешанные нотки ужаса и странной гордости, – он в обход всех протоколов безопасности и не поставив в известность

даже меня, материализовал в лаборатории небольшой портативный реактор. Не для коммерции, нет! Просто ему «стало интересно, можно ли его уменьшить до размеров монеты».

– И?

– И пока он пытался его стабилизировать, система охлаждения, которую он же и придумал на месте, дала сбой. Лабораторию, к счастью, бронированную, затопило тоннами пены. Реактор... Он не взорвался. Он, как потом объяснил сам Квант, «нелинейно дезинтегрировал». Результат – ударная волна и... – она сделала паузу. – ... Люциус лишился руки. По локоть.

Павервольт смотрел на неё, не веря ушам своим. Ему даже показалось, что он открыл рот от изумления.

– И что же он? Потребовал компенсацию?

– Компенсацию? Нет! Когда я навещала его в больнице, всего в бинтах и подключённого к куче аппаратов, он посмотрел на меня своими горящими глазами фанатика и попросил не стандартный, запатентованный протез, а разрешение и финансирование на то, чтобы «создать себе руку самостоятельно».

Николас не сдержался и рассмеялся в голос. Громко, раскатисто. Смех был признанием того, что сумасшедший Квант был своего рода родственной душой его покойному другу. Такой же одержимый, такой же не от мира сего.

– И ты... ты согласилась? – выдавил он, вытирая глаза.

– А что мне оставалось? Он уже лежал и чертил схемы на пододеяльнике! – Маргарет развела руками. – Пришлось вложиться. И теперь у него вместо кисти торчит нечто... нечто похожее на управляющий элемент. Что-то вроде щупальца из жидкого металла, которое может трансформироваться в различные инструменты, брать предметы, паять микросхемы. Выглядит это, честно говоря, жутко. Я потребовала, чтобы в моём присутствии он носил халат подлиннее и... выключал эту штуку. По крайней мере, не заставлял её завиваться вокруг моей вазы с цветами, измеряя уровень фотосинтеза.

Даже она, поджав губы, не выдержала и улыбнулась в ответ на его смех. На мгновение они снова стали просто людьми – уставшим чиновником и затравленной деловой женщиной, которых объединил общий сумасшедший гений.

Но долго длиться это не могло.

– И что же этот... Ктулху на службе у «Ауры» помог вам изобрести? Я слышал, вы участвуете в президентском тендере на транспортировку од-энергии.

Тень вернулась на лицо Маргарет, но теперь то была тень азарта и гордости.

– Участвуем. Ещё как! Против «ТехЭнерджи». Именно у них действующий контракт на транспортировку. Должен вот-вот закончиться.

Павервольт присвистнул.

– Сайлас «Золотой бык» Голдман. Мерзкий тип. Чувствует себя Богом лишь потому, что его компания – правая рука президента. Вы с ним пересекались?

– Вынужденно... Но стараюсь обходить за километр, – с лёгкой дрожью в голосе ответила Маргарет. – Он... он смотрит на тебя так, будто ты уже стоишь на аукционе, и он прикидывает, сколько за тебя дадут. Надежда только на новую разработку Кванта. Она должна помочь сэкономить на транспортировке от резервов источника до потребителя в несколько раз. Подробнее сказать не могу, прости, Николас, коммерческая тайна.

Николас кивнул. Он понимал.

– Когда итоги тендера?

– Через пару дней президент сделает официальное объявление результатов в Шпилях.

Белые Шпили. Резиденция президента Кассиуса Вэнса. Того самого Вэнса, который уже вторые сутки «не может найти окна» в своём расписании для встречи с ним, куратором Смотрин, по факту гибели пяти человек.

Такого шанса Николас терять уж точно не намеревался.

– Маргарет, – произнёс он, и голос его стал мягким, почти заговорщицким. – Сделай мне одолжение. Возьми меня с собой в составе делегации.

Она недоумённо взглянула на него.

– Тебя? На тендер по энергетике? Это же не твой профиль, Николас.

– Вэнс, – растягивая слова, заговорил Павервольт, – ссылаясь на загруженный график, не может меня принять. Хотя, по слухам, он просто не желает делиться информацией об одном щекотливом деле, которое расследуется в Проценториуме. Больше я ничего сказать не могу, увы, конфиденциальность, – Николас повторил её же слова с лёгкой иронией.

Он смотрел на неё, видя, как в глазах её идёт борьба. С одной стороны – светская условность, нежелание впутываться в дела Арлюминера, а тем более впутывать Арлюминера в дела Проценториума. С другой – её личные отношения с ним.

– Я... не могу, Николас. Это может быть неверно истолковано, – наконец выдохнула она, зажмурившись.

Николас не был удивлён. Маргарет всегда была из тех, кто ценит собственную безопасность выше, чем помощь близким.

– Понятно, – кивнул он, и его взгляд стал острым, как скальпель. – Тогда перейдём к сути, Маргарет. Зачем ты пришла? Не для поздравлений и не для воспоминаний.

От прямого вопроса она замерла. Всё её напускное спокойствие испарилось, обнажив сырую, незащищённую нервозность. С минуту она молчала, ерзая на стуле.

– Послы, – тихо сказала она. – Почему поменяли послов? Сначала Ару Зоэрвал должен был заменить Карл Розенберг. А теперь вместо него – эта... Тея Сол. К чему такие перемены?

Сказать, что Николас удивился, – ничего не сказать. Маргарет была своеобразной матерью: с одной стороны, она эмоционально переживала за каждую неудачу своего приёмного сына, с другой – никогда не вмешивалась (не останавливала, но и не помогала) в его развитие и интересы.

– Каждому в Арлюминере известно, что Карл Розенберг болен и прикован к постели, – голос его стал гладким, как отполированный лёд. – Он до последнего надеялся присутствовать сам, но, увы.

– Это не объясняет замену Зоэрвал, – резко парировала Маргарет, взгляд её стал пристальным.

– Я не могу раскрывать детали, – холодно отрезал Павервольт. – Скажу лишь, что замена её на Тею Сол – вынужденная и безотлагательная мера. У нас... – он лихорадочно подбирал слова, – банально не хватает кадров.

Маргарет смотрела на него с изумлением.

– Всё настолько плохо?

– Да. – Разглагольствовать с ней на эти темы он не был готов. – И теперь, когда ты в курсе общего положения дел, может, поведаешь, какие именно проблемы возникли у тебя с мисс Сол?

Пальцы её сжали край стола так, что костяшки побелели.

– Я думаю, что она... Она может отказаться от Рейнольдса. То есть... Написать официальный отказ.

У Павервольта глаза полезли на лоб. Эта тихая, неприметная девушка из архива?

– И на каком основании? – голос его стал опасным, тихим. – У неё должны быть веские причины для такого шага.

– Рейнольдс... – она замялась, взгляд её блуждал по кабинету. – Он повёл себя... неподобающе. Позволил себе некорректные высказывания. И... в шутку применил к ней од-энергию.

Николас замер. Мальчишка явно не держит берегов, если «в шутку» нападает на посла перехода. И здесь уже не важно, как выглядит сама Сол. Важен сам факт.

– В шутку, – повторил Павервольт, и в тихом голосе его зазвенела сталь, готовая сомкнуться в смертельную хватку. – И что же ответила мисс Сол? Она, надо полагать, не стала смеяться?

Маргарет сделала едва заметную паузу, будто примеряя последствия каждого возможного слова. Когда она наконец заговорила, это был почти шёпот, от которого по коже пробежал холодок:

– Она... поставила ему ультиматум. Сказала, что у него есть несколько дней, чтобы извиниться.

Павервольт медленно покачал головой, смотря на неё с нескрываемой укоризной. С его точки зрения, Сол смалодушничала: он бы выпорол его прямо там, на месте.

– Маргарет, Маргарет... Разбаловала ты его. Позволила ему играть в бунтаря, а теперь пожинаешь плоды. Он должен нести ответственность за свои поступки. Даже за самые глупые. У мисс Сол есть на то полное право.

– Это была лишь шутка! – голос Маргарет сорвался на высокую, почти истеричную ноту. – Он гордый мальчик, он не сможет извиниться! Он просто не в состоянии!

– Тогда он и не достоин быть кандидатом, – жёстко парировал Павервольт. – Если он не может переступить через собственную гордыню ради цели, ему среди нас не место.

– Николас, он ещё мальчик! Ты должен поговорить с ней! Убедить её отозвать ультиматум! – в её глазах стоял животный, неконтролируемый страх. Не за бизнес. За сына.

Николас не стал отвечать немедленно. Он не любил смотреть в глаза тем, кому отказывал. Поэтому он встал и, стряхнув с себя напряжение, словно отряхнув костюм, прошёлся по комнате. За окном солнце уже село; на территории посольства Арлюминера мягким светом загорелись уличные фонари. Его любимое время: уже не день, но ещё и не ночь.

– Мне не нужно от тебя ничего, – спокойно произнёс он, стоя к ней спиной, лицом к окну.

– Николас, пожалуйста...

– Маргарет, я не...

– Я проведу тебя в приёмную к президенту, – перебила она, и в её голосе прозвучала отчаянная решимость.

Он обернулся, видя на её лице ту самую готовность идти на сделку с совестью, которую он так часто наблюдал у других.

– Хорошо, – сказал он после минутного молчания, и в голосе его слышалась усталость. – Я поговорю с ней. При условии, что ты обеспечишь мне проход в Белые Шпили послезавтра. Но извинений это не отменяет. Ты сама поговоришь с Рейнольдсом. Он должен ей позвонить. Лично. Искренне или нет – не имеет значения. Важен жест. Если он не сделает и этого, я лично вычеркну его из списков. Понятно?

Она смотрела на него, и он видел, как идёт борьба между гордостью и материнским инстинктом. Инстинкт победил.

Глава 6. Осколки и зеркала

«Тот, кто смотрит в Зеркало Саргума, видит не свое отражение, а пропасть, из которой на него уже смотрит нечто иное.»

– Старая поговорка ловцов редкостей.

Два дня.

Сорок восемь часов, если быть точным.

Рейнольдс Никсон провёл их в своём личном аду, который пах не серой и пламенем, а остатками дорогого коньяка, стыдом и полным, оглушающим молчанием.

Первые сутки ушли на то, чтобы физически прийти в себя. Тело помнило всё: унизительные спазмы, вкус желчи на языке, ледяное прикосновение мрамора к щеке. Но хуже была память мышц. Он ловил себя на том, что непроизвольно вздрагивал, когда рука тянулась к стакану с водой, словно ожидая, что пальцы сами разожмутся и выронят его. Собственная плоть предала его, став марионеткой в руках этой... мыши. Мысль жгла изнутри яростнее любого похмелья.

Следующие часы ушли на войну с телефоном. Экран то и дело вспыхивал знакомыми именами: «Лили», «Арчи», «Селеста», снова «Лили». Он заставлял себя не смотреть. Сначала из гордости – не желал, чтобы они слышали его сломанный, сиплый голос. Потом из страха – а что, если они уже знают? Что, если слухи просочились?

Воображение рисовало картины: Арчи, едва сдерживающий смех; Селеста, брезгливо морщающаяся; Лили... Лили с тем самым выражением жалости, которое он ненавидел больше всего на свете.

Но больше всего он страшился их вопросов: «Ну что, Рей, передумал? Идёшь на Смотрины?». Что он мог ответить? Что его поставили на колени? Что у него есть несколько дней, чтобы приползти к ней обратно или навеки остаться позорным пятном на семейном древе?

Нет. Молчание было его единственной крепостью. Он отключил звук, перевернул телефон экраном вниз и забаррикадировался с гитарой и видеоиграми в комнате, пытаясь задавить ярость, что клочкотала под рёбрами, холодная и липкая.

К исходу вторых суток гордыня, избитая и потрёпанная, начала потихоньку подниматься с колен. Ей помогала рационализация – излюбленное оружие слабых.

«Она воспользовалась внезапностью».

«У неё был артефакт. Проклятое кольцо!»

«Истинная сила не в таких низких трюках с вегетатикой».

Мысли, хлипкие, как карточный домик, давали зыбкую опору. Но под ними зияла пустота, и в ней звучал её тихий, ледяной голос: «Это не твои слова».

Ему нужно было двигаться. Действовать. Доказать хоть кому-нибудь – себе в первую очередь – что он всё ещё контролирует хоть что-то.

«Икар» – подарок на шестнадцатилетие. Не самый мощный в коллекции отца, но его. Стремительный, угловатый, цвета грозового неба с акцентами серебристой молнии. Отец говорил: «Хорошая машина – это продолжение нервной системы. Чувствуешь её, как собственные пальцы». Рейнольдс же чувствовал в ней лишь прохладную кожу сидений и послушный гул двигателя, но сейчас ему требовалось именно это – послушание. Хотя бы от чего-то.

Маргарет вернулась несколькими часами ранее, и встречаться с ней он не хотел. Он превосходно знал, что та не удержится от проявлений заботы и нравоучений. Поэтому выбраться из поместья нужно было тихо, не привлекая внимания.

Рейнольдс взглянул в окно. Там, на границе поместья, тяжёлые грузовые флайеры с логотипом «Аура» садились на посадочную площадку у дальнего ангара. Туда сновали безликие фигуры в тёмно-синей форме наёмников – Вэрбеорн и его команда. Маргарет, одетая, как обычно, дорого, но не к месту – в шёлковое строгое платье, – принимала документы на разгрузку неподалёку от входа в поместье, сверяясь с планшетом. Лицо её было сосредоточенным, отрешённым.

Момент идеальный. Рейнольдс прекрасно знал, что детище покойного мужа волновало Маргарет куда больше, чем приёмный сын. Он натянул добротные чёрные брюки, простую тёмную футболку, куртку из мягкой кожи – одежду для полётов, а не для показухи. Браслеты и лит-панели подключил по привычке, но настройки сбросил на минимум. Сегодня он не желал чувствовать даже лёгкого щекотания энергии.

Дальше он спустился по боковой лестнице, ведущей в сад, а оттуда – к ангарам. Воздух был прохладным, пахло хвойной сыростью и дымом. Он уже почти вышел на тропинку к семейному ангару, где стоял «Икар», когда услышал за спиной лёгкий, знакомый звук – шуршание шёлка по гравию и стук каблучков.

– Сын.

Он замер, будто его поймали на краже. Медленно обернулся.

Маргарет плавно подошла. На ней был лёгкий плащ, накинутый поверх платья. В пальцах, с изящной усталостью, она вертела тонкий серебряный мундштук. Она не курила, просто держала, как талисман, как якорь в бурном море дел. Лицо казалось уставшим, но взгляд был острым и пронизательным.

– Маргарет, – кивнул он.

Она раздражённо и как-то обиженно поджала губы.

– Мама. Рейнольдс, мы же говорили об этом...

– Говорили, Маргарет. И я ответил, что пока не готов.

– Алана ты называл папой.

– Ты не он, – резко бросил он, затем, увидев, как она напряглась, сменил тему: – Я думал, ты на площадке.

– Закончила. Инспекция прошла успешно. Остальное доделает Вэрбеорн. – Голос её был ровным, но в нём чувствовалась какая-то новая, непривычная нота – не холод, а скорее усталая обречённость. – Куда собрался в таком виде?

– Прогуляться. Подумать, – буркнул он, отводя взгляд.

– На Икаре? – мягко уточнила она, и в углу губ дрогнуло нечто, похожее на грустную усмешку. – Рейнольдс, нам надо поговорить о произошедшем.

Это было именно то, чего он боялся больше всего. Разговор. Обсуждение. «Проговорить чувства». Он ненавидел это.

– Не сейчас, Маргарет. Я... не готов.

– Ты никогда не готов, – она сделала шаг вперёд. Плащ мягко колыхнулся. – Я была у Николаса Павервольта.

Имя ударило его, как плеть. Лучший друг отца. Куратор Смотрин. Ещё один человек, из-за которого на него косо смотрят. Рей почувствовал, как кровь приливает к лицу.

– Зачем ты к нему ходила?! Пожаловаться?! Маргарет, я сам могу разобраться в своих проблемах! – голос прозвучал зло и высокомерно.

– Рейнольдс, это ради тебя, мальчик мой, – в голосе её впервые прозвучало предостережение. Маргарет подошла и заботливо взяла его за плечи. – Я переживаю... Посол перехода имеет право написать отказ. Формальный отказ от тебя как от кандидата. И если это случится, путь в Арлюминер для тебя будет закрыт. Навсегда.

Сердце ёкнуло, но гордыня, раздутая за долгие часы молчания, уже набрала силу.

– И что с того? – фыркнул он, глядя куда-то в сторону, на верхушки кедров; в глаза матери он предпочитал не смотреть. – Ты и так мне всё дашь. Компанию, деньги... А Смотрины... Зачем мне этот цирк с архонтами? Чтобы меня там так же унижали? Чтобы я ползал на коленях?!

Он видел, как лицо её изменилось. Не стало злым. Оно сжалось. Будто он ударил её не кулаком, а тонкой, отравленной иглой, попав точно в незащищённое место.

– Я «и так всё дам»? – повторила она тихо, и пальцы сжали мундштук так, что металл, казалось, должен был согнуться. – Ты вправду так думаешь?

– А как иначе? – он сбросил её руки с плеч, и вся накопленная злость, страх, унижение хлынули наружу. Он говорил сквозь зубы, с холодной, юношеской жестокостью. – Отец умер. Оставил тебе компанию, которую ты ненавидишь. Оставил меня – чужого мальчика, которого ты взяла из жалости. Ты носишь всё это как крест, потому что «так надо». Потому что долг. А я – просто часть этого долга. Ещё одна обуза. Так зачем тебе лишние проблемы? Зачем тебе, чтобы я лез в их мир, где ты можешь потерять репутацию? Оставь всё как есть. Я буду тихо сидеть в своём крыле, тратить твои деньги, и мы будем изображать идеальную семью для гостей.

Он ждал, что она вспыхнет. Что бросит в него мундштук. Что прикажет Вэрбеорну запечатить его в комнате. Да что угодно!

Но Маргарет просто смотрела на него. И в её глазах, тех самых, цвета старого льда, он увидел не гнев, а ту глубину, которую страшился увидеть – рану, усталость и страшное, обезоруживающее понимание.

– Возможно, ты прав, – выдохнула она наконец, и голос её звучал призрачно. – Возможно, я и впрямь видела в тебе лишь долг. Продолжение идей Алана. Но, Рейнольдс... – она сделала паузу, подбирая слова. – Я просила Николаса устроить встречу. Чтобы ты мог извиниться. Не для проформы. Для тебя. Чтобы ты не нёс этот груз обиды дальше. Чтобы ты мог взглянуть в глаза тому, что произошло, и сделать выбор. Не как марионетка, которую дёргают за ниточки собственные страхи. А сам.

Слова её попали в точку, в ту самую рану, которую прощупала Тея. Стало лишь больнее.

– Я ни перед кем не стану извиняться. Это она на меня напала! – выкрикнул он, и голос сорвался.

– Она ответила на твою атаку. – Холодно, безжалостно закончила за него Маргарет. – Ты первый поднял руку.

– Плевать! – упрямо бросил он, развернулся и быстрыми шагами рванул прочь в сторону ангаров, оставив Маргарет стоять одну среди серебряных кедров с проклятым мундштуком в побелевших пальцах.

Ангар, где стоял «Икар», оказался частично занят. Рядом, в соседнем отсеке, разгружали грузовой флайер. Широкие ворота были распахнуты, и оттуда доносились приглушённые голоса и странные, вибрирующие звуки. «Икар» стоял чистый и готовый, словно ждал.

Из соседнего отсека выходили двое наёмников. Они не несли ящики – ящики, массивные, из тёмного металла с усиленными уголками, плыли под действием од-потока за ними в воздухе, окружённые лёгким синеватым сиянием. Простое, но энергозатратное применение силы для грубой работы. Наёмники шли, слегка покачиваясь; напряжение читалось в напряжённых плечах. Груз был явно тяжёлым даже для них.

Рейнольдс, поглощённый своими мыслями, двигался на автопилоте. Он резко свернул к своему флайеру, не глядя под ноги, и плечом задел одного из наёмников, который как раз удерживал часть потока вокруг последнего ящика.

Наёмник дрогнул. Синеватое сияние вокруг ящика мигнуло, поплыло. Ящик накренился, углом чиркнул по полу с пронзительным скрежетом и с глухим, тяжёлым ударом приземлился, приоткрыв крышку.

– Твою мать! – выругался Рейнольдс скорее по привычке, отшатываясь. Взгляд его упал на содержимое.

Сначала он подумал, что это какие-то странные, древние вазы или урны. Объекты были чуть меньше полуметра в высоту, грушевидной формы, сужающиеся к основанию. Их было четыре. Материал – не то камень, не то керамика странного, землисто-серого цвета, испещрённого прожилками, как у малахита или яшмы. «Вазы» казались не сделанными, а выросшими – поверхности их были неровными, с наплывами, сращениями. В том месте, где ящик ударился о пол, один из объектов буквально сливался с каменной плиткой площадки, как будто прорастал сквозь неё. Казалось, кто-то вырвал куски древнего, окаменевшего ландшафта и привёз их сюда.

На каждом объекте были едва заметные, тонкие прорезы – вертикальные щели. Вокруг них металл ящиков покрылся инеем, хотя в ангаре стояла прохладная, но плюсовая температура. От всей четвёрки веяло немой, давящим холодом и такой древностью, что на мгновение перехватило дыхание.

Наёмники попытались заново поднять груз. Один из объектов, стоявший ближе к краю, слегка качнулся. Рейнольдс замер, ожидая грохота. Но грохота не последовало.

Потому что объект не упал.

Его подхватило и мягко, с едва слышным шипящим звуком, вернуло в вертикальное положение нечто, похожее на щупальце. Но не из плоти. То была струя жидкого металла, мерцающего, как ртуть, и в то же время прочного, как стальной трос. Она выстрелила из-за спины Рея, обвила грушевидную форму и поставила её на место с хирургической точностью.

В тот же миг щели на объекте шевельнулись. Не раскрылись, а именно шевельнулись, как веки спящего. И сомкнулись обратно с тихим, скрипучим звуком, похожим на скрежет камня о камень.

Рейнольдс непроизвольно отпрыгнул в сторону, наткнувшись на крыло «Икара».

– Внимательнее, юный вандал! И вы, недоумки! Не можете даже ящик в сохранности донести! – раздался голос, в котором смешались раздражение, сарказм и неподдельный научный восторг. – Вы чуть не лишили мир, а меня – Арлюминерской премии, величайшего открытия в области палеоэнергетики!

Из-за спины вышел... человек. Наверное. Был он одет в заляпанный чем-то белый халат, из-под которого виднелось сиреневое худи. Волосы – седоватая грива, убранная в высокий пучок. Очки в толстой черепашной оправе сползли на кончик носа. Но всё это не имело значения. Из-под правого рукава халата, вместо руки, свисало, извивалось и теперь медленно втягивалось обратно то самое «щупальце» из жидкого металла. Оно сверкало на свету, принимая на мгновение форму сложного инструмента – то ли пинцета, то ли паяльника, – прежде чем окончательно скрыться в рукаве.

– Профессор Квант, – выдавил Рейнольдс, чувствуя себя на десять лет младше. – Я... я нечаянно.

– «Нечаянно» – любимое слово всех разрушителей, от Герострата до нерадивых лаборантов. – Люциус Квант фыркнул, поправил очки и подошёл к ящику. Взгляд его, острый и голодный, скользнул по «вазам», проверяя, не обидели ли его детищ. – Сам доставлю! – заявил он грузчикам. Те, пробормотав извинения, удалились. – Артефакты старше тебя, юноша. Спали они в вечной мерзлоте за Зеркалами, пока сенсоры не уловили их уникальную энергетическую сигнатуру. Они даже не технология в привычном смысле. Это... – он замешкался, посмотрев на Рейнольдса, и, казалось, сознание вернулось в его опалённый наукой мозг. – Не суть! Кому я рассказываю? Пень и то бы больше понял. Мозг твой, разрушенный кутежами, не может представить и части моего гения!

Рейнольдс не представлял. Он смотрел на мёрзлые, шевелящиеся камни и чувствовал лишь леденящий душу страх.

– Зачем они здесь? – спросил он тупо.

– Зачем? – Квант возвёл к потолку единственную живую руку, а из рукава другой вырвалось уже иное щупальце, на сей раз с миниатюрной линзой на конце, и принялось изучать ближайшую щель. – Для науки! Вообрази аккумулятор, который не разряжается тысячелетиями. Источник, который не иссякает. Сможем мы транспортировать од через весь континент без потерь! Маргарет... то есть твоя мать, рискнула финансировать эту экспедицию. А вы чуть не превратили её инвестиции в кучку холодного гравия!

Говорил он быстро, сбивчиво, перескакивая с темы на тему, но в глазах его горел такой огонь одержимости, что рядом с ним даже наёмники казались образцами душевного здоровья.

– Я сказал, что извинился, – пробормотал Рей, чувствуя, как раздражение возвращается. Сумасшедший читал ему лекцию, как школьнику.

– Извинение не вернёт уникальный образец, если бы он разбился! – парировал Квант. Металлическая «рука» его вдруг протянулась и легонько ткнула Рея в грудь. Было холодно и очень твёрдо. – Присутствие ваше здесь, юный наследник, излишне. Нет у вас ни должных познаний в квантовой одонимике, ни уважения к хрупкости экспериментальных образцов. Вы – фактор риска. Переменная, которую я не могу контролировать. А я не люблю неконтролируемые переменные. Они портят уравнения.

Это было уже чересчур. После разговора с матерью, после всего – его ещё и получеловек-полуосьминог отчитывает?

– Знаете что, профессор, – Рейнольдс отступил, голос его зазвенел от злобы. – Занимайтесь своими каменными яйцами. А я поеду туда, где меня не станут считать фактором риска.

Он резко развернулся, вскочил в открывшийся «Икар» и с силой захлопнул дверь кабины. В ушах стучала кровь. Он даже не стал дожидаться, пока ангар полностью откроет потолок, – вывел флайер на режим вертикального взлёта и рванул вверх с таким перегрузом, что его вдавило в кресло.

Внизу, на площадке, Люциус покачал головой, и металлическая конечность, приняв форму нечто среднего между отвёрткой и щёткой, нежно погладила холодный бок одной из «урн».

– Дети, – вздохнул он. – Эмоции. Сплошной энтропийный шум. А мы-то с тобой, красавица, знаем цену тишине и холоду, да?

Щель на «урне» в ответ едва заметно дрогнула.

А вдалеке, разрезая небо, мчался «Икар». Рейнольдс выкрутил скорость на максимум, не думая о маршруте, о заряде, о времени. Он просто летел прочь. От поместья. От матери. От Кванта и камней-монстров. От призрака отца в каждом углу. От памяти о серых глазах, лишивших его воли.

Город, сверкающий огнями, остался далеко позади, превратившись в россыпь светящихся кристаллов на бархате темнеющего неба. Под ним поплыли предместья, затем фермерские угодья, разрезанные прямыми линиями дорог. А потом начались руины.

Сначала редкие островки: полуразрушенные каркасы небоскрёбов, похожие на скелеты гигантских рыб; оплывшие холмы, под которыми угадывались очертания стадионов или торговых центров. Чем дальше он забирался, тем чаще попадались целые поля бетонных плит, заросшие буйным, неестественно ярким кустарником. Статуи, лишённые лиц и конечностей, застыли в немом крике. Мосты, оборванные в середине пролёта, уходили в пустоту. Это был старый мир. Мир до Великой Катастрофы, до Саргума. Мир, который пытались забыть, но который так и лежал мёртвым якорем на границах нового.

Рей редко залетал так далеко. Это было не принято. Опасно. Бесперспективно. Нечего было здесь показать друзьям, не с чего сделать эффектное селфи. Была здесь только тишина, тлен и странное, давящее ощущение, что время в развалинах течёт иначе.

На панели управления мягко, но настойчиво замигал жёлтый индикатор. Голос системы, спокойный и бесстрастный, проговорил:

– Внимание. Приближение к буферной зоне Саргума. Дальнейшее движение сопряжено с риском нарушения границы и воздействия нестабильных энергетических полей. Рекомендуются изменить курс.

Рейнольдс взглянул вперёд. И замер.

Зеркала всегда были на горизонте. Туманная, мерцающая полоса, как мираж. Но вблизи... Вблизи это было нечто иное.

Сначала он не понял, где кончается земля и начинается Зеркало. Ландшафт впереди как будто застыл и стал бесцветным. А потом он увидел собственное отражение. Флайер, застывший в воздухе, а вокруг – не пейзаж, а искажённая, растянутая, многократно повторённая копия, уходящая в бесконечную беззвучную глубину. Это не было похоже на обычное зеркало. Поверхность абсурда. Геометрия не подчинялась законам, прямые линии изгибались, превращаясь в спирали, углы были одновременно и острыми, и тупыми. Цвета – лишь блёклые тени самих себя.

Он замедлил ход, почти остановился, замороженный. Лицо его в отражении было чужим – старым, испуганным, глаза огромными.

«Вот он я, – подумал он с горькой иронией. – Наследник. Трус. Неудачник».

И тогда в глубине Зеркала, прямо за отражением, нечто шевельнулось.

Неясная тень. Слишком большая, чтобы быть животным, и слишком бесформенная, чтобы быть человеком. Она с силой ударилась о зеркальную поверхность, пытаясь прорваться. Панический, животный страх сжал горло. Отражение Рея затрепетало, поплыло, исказилось ещё сильнее. А по поверхности Зеркала побежала рябь, словно от брошенного в воду камня.

Он инстинктивно рванул штурвал вправо, до упора.

«Икар», не предназначенный для резких манёвров на малой скорости, взвыл протестующим гулом и рванулся в сторону. Слишком резко. Рей не рассчитал. Флайер пронёсся в нескольких метрах от причудливо изогнутой верхушки мёртвого небоскрёба. А когда впереди возникло массивное дерево, выросшее прямо из развалин, он дёрнул рычаг в другую сторону, не успев вовремя сбросить обороты. Хвост занесло, машину закрутило.

Раздался треск, флайер тряхнуло. Система заверещала тревогой.

– Потеря устойчивости. Аварийная посадка.

Рей, с бешено колотящимся сердцем, пытался выровнять машину. Она клевала носом. Под ним мелькали руины, острые обломки. Нужна была площадка. Впереди, у самого подножия Зеркала, виднелся участок относительно ровного грунта – бывшая площадь или парковка, ныне засыпанная щебнем и поросшая бурьяном.

Он с трудом, скрипя зубами, погасил скорость и почти плюхнулся на землю. Флайер подпрыгнул на кочках и замер.

Тишина.

Глубокая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь слабым шипением и потрескиванием двигателя. И дальним, едва уловимым гулом – то ли ветра, то ли самого Саргума.

Рейнольдс откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. В ушах звенело. Затем выбрался из флайера. Открыл капот энергоотсека. Оттуда повалил густой, маслянистый дым. Панель управления показывала перегрев основного кристаллического накопителя. Рей, вспомнив кое-что из уроков, попытался сбросить нагрузку, перезапустить вспомогательные системы. В ответ двигатель лишь хрипло кашлянул и выплюнул ему в лицо новую порцию едкого дыма.

– Да будь ты проклят! – закричал он, отшатываясь, и в приступе беспомощной ярости ударил кулаком по тёплому корпусу. Боль пронзила костяшки, но это была хоть какая-то реальная боль, не та, что грызла изнутри. – Всё ломается! Всё! Даже ты, кусок бесполезного металла! Отец бы... Отец бы никогда...

Он не договорил. Ком в горле помешал. Рей опустил на корточки рядом с флайером, уткнувшись лбом в холодный металл крыла. Беспомощность накрыла его с головой. Он был один. В глуши, у края света, рядом с проклятым Зеркалом, которое, кажется, всё ещё смотрело на него искажённым взглядом. Связь не ловила – помехи от Саргума. Он в ловушке. Идеальная метафора его жизни.

И в этой тишине, среди гула ветра в заброшенных зданиях, послышался лёгкий шорох. Словно шум шагов вдали. Он обернулся. В метрах трёхстах от него, медленно вышагивая по щебню вдоль Зеркала, шёл мужчина. Рей сперва не поверил своим глазам. В этом месте? Сейчас?

Забыв обо всём, он вскочил и замахал руками.

– Эй! Помогите! Сюда!

Мужчина заметил его и изменил курс.

Он был высок, под два метра, с широкими плечами, одет в простую, прочную одежду тёмных тонов, похожую на униформу исследователя или ловца редкостей. Походка была лёгкой, уверенной, будто он гулял по парку, а не по руинам. Когда он подошёл ближе, Рей разглядел лицо: резкие, словно высеченные из гранита черты, короткие, чёрные как смоль волосы. И глаза. Совершенно чёрные, бездонные, как ночное небо без звёзд. Не было в них ни страха, ни изумления, лишь спокойное, почти отстранённое внимание. Возраст определить было сложно – то ли сорок, то ли все пятьдесят, но в осанке и взгляде была сила, не подвластная возрасту.

Он подошёл, не спеша, окинул взглядом Рейнольдса, флайер, дым.

– Проблемы? – спросил он. Голос был низким, бархатистым, с лёгким, неуловимым акцентом, который Рей не смог определить.

– Да... флайер сломался. Не справился с управлением, – Рей заговорил быстро, сбивчиво. – Связи нет. А вы... вы как здесь оказались?

Мужчина усмехнулся уголком губ. Это почти не изменило его лицо.

– Я часто здесь бываю, – он обвёл взглядом руины. – Ищу.

– Редкости? – догадался Рей. – Осколки кардиолитов, артефакты?

– Что-то в этом роде, – мужчина пожал плечами. Он подошёл к флайеру и внимательно, но без суеты, осмотрел повреждённое крыло, заглянул в дымящийся отсек. – Но знаешь, часто бывает наоборот. Не я ищу их. Они следуют за мной и находят меня.

Слова его прозвучали странно, но Рей был слишком рад живому человеку, чтобы анализировать. Отчаяние и потребность выговориться пересилили всё.

– Вы можете?

– С двигателем? Попробую... Не работал с таким... – флегматично ответил незнакомец и полез в энергоотсек. – А ты здесь что забыл? Далековато от города.

– Я... не знаю... Даже не понял, как тут оказался.

– Тяжёлый день?

– Что-то вроде того, – начал он, и слова полились сами, как из прорванной плотины. Он рассказал всё. О Смотринах. О посольской мыши. Об унижении. О друзьях, которые убедили его сдать. О матери, которая хочет, чтобы он извинился. О сумасшедшем профессоре с камнями, которые шевелятся. Он говорил гневно, сбивчиво, с пафосом и самоуничижением. И всё это время мужчина слушал. Молча. Не перебивая, делая свою работу. Он не смотрел на Рея, не комментировал, просто слушал, и в этом молчаливом действии не было ни осуждения, ни жалости, ни даже особого интереса. Было принятие. Как будто он слушал не жалобы мальчишки, а доклад о погоде. И это, как ни парадоксально, было самым успокаивающим.

Когда Рей выдохся и замолчал, мужчина кивнул.

– Силы много, воли мало. Знакомо, – произнёс он просто. – Друзья... они как ветер. Дуют в ту сторону, куда им выгодно. Мать... она связана долгом, как цепями. Ей тяжело, и она

не знает, как иначе. А эта девушка... – он на мгновение задумался. – Она показала тебе дно. Иногда нужно коснуться дна, чтобы оттолкнуться.

– Но я не знаю куда! – вырвалось у Рея.

– А может, и не надо знать, – мужчина повернулся обратно к флайеру. Из кармана он достал не инструмент, а просто гладкий кристалл, обрамлённый в металлическое кольцо. Он раскрутил кольцо и приложил его к перегретому кристаллу накопителя. Кольцо завертелось с огромной скоростью, так быстро, что глаз не мог уловить его обороты. Кристалл внутри на мгновение вспыхнул тусклым оранжевым светом, будто впитав жар. Дым прекратился. Кольцо остановилось. – Судьба иногда сама выбирает человека, а не человек судьбу. Главное – быть готовым идти по дороге, когда она откроется, – он постучал по корпусу. – Попробуй теперь.

Рей, не веря своим глазам, забрался в кабину. Нажал на запуск. Двигатель, после короткого хрипа, ожил ровным, здоровым гулом. Панель управления засветилась зелёным. Все системы в норме.

Он вылез наружу, поражённый.

– Как вы... Что это было?

– Маленький трюк, – мужчина убрал прибор в карман. – Старая штука. Помогает сбросить лишнее напряжение. И в машинах, и в людях.

Рейнольдс смотрел на него. Это лицо... оно было знакомо. Не лично. Он видел его где-то. Где?

Не мог вспомнить.

– Мы... мы встречались? Вы знакомы с моим отцом? Аланом Никсоном?

Мужчина снова улыбнулся своей странной, не дотягивающей до глаз улыбкой.

– Вряд ли. Мир велик, а лица имеют свойство повторяться. Лети. Уже темнеет. У Зеркал ночью... беспокойно.

Он отступил на несколько шагов, давая место для взлёта.

Рей хотел ещё что-то спросить. Поблагодарить по-настоящему. Спросить имя. Но слова застряли в горле. Он лишь кивнул, забрался в «Икар» и поднял флайер в воздух.

Когда он сделал круг, чтобы сориентироваться, и взглянул вниз, на место посадки, там никого не было. Только щебень, бурьян и безмолвные, искажённые отсветы вечернего неба в поверхности Саргума. Незнакомец исчез, словно его и не было.

Глава 7. Победа и поражение

«Если ты не готов услышать «нет», не проси разрешения.»

– Народная мудрость, вариант для избалованных наследников.

Теплая алая кровь стекала по руке Рея. Рана на плече была серьезной – настолько, что он с трудом сгибал руку в локте. Но даже это его теперь не заботило. Он вызвал на смотр Максима Озерского, чтобы защитить Лили. Пусть она и не была согласна, пусть отговаривала его. Пусть она болела за этого выскочку-архонта больше, чем за него, Рейнольдса Никсона.

Пусть!

Он доведет дело до конца.

А всего пару часов назад он и не думал вызывать архонта на смотр, и уж тем более не планировал принимать статус кандидата! Когда Арчи позвонил ему, приглашая «на зрелище» – на тренировку Лили с ее послом перехода, Максимом Озерским, – Рей решил, что это просто дружеская поддержка. Он никак не ожидал, во что это превратится.

Рейнольдс прибыл на место минут сорок назад. Днем он, мучимый совестью и желанием загладить вину за свои слова, но не умея извиняться, в конце концов помог Маргарет с регистрацией оборудования для изобретений Кванта. А вечером потратил добрых два часа, чтобы добраться сюда.

Стадион «Стальной купол» был реликтом, памятником эпохи, когда люди сходили с ума по командным играм с мячом. Теперь это была гигантская чаша из полированного бетона и ржавеющего металла, которую использовали для чего угодно – от концертов до сдачи нормативов по физподготовке. Он находился на окраине города, в нескольких километрах от Зеркал Саргума, где Рейнольдс побывал позавчера. Поздним вечером стадион казался особенно мрачным: прожектора выхватывали из темноты лишь зеленое поле, превращая трибуны в черную бездну.

Рей поставил «Икара» на пустой парковке, прошел через тихие, пропахшие плесенью и мочой тоннели и вышел на трибуны. Шум сразу обрушился на него. Не гул толпы, а резкий, вибрирующий гул работающих ретрансляторов. Четыре массивных пилон по углам поля были активны. От них в ночное небо уходили бледно-голубые столбы энергии, мерцающие, как сварочная дуга, а над самым полем висела едва заметная дрожь воздуха – купол моделирования, позволявший конструировать внутри него объекты од-энергией.

На зеленом газоне, превращенном в полигон с мишенями и барьерами, стояли двое. Лили и мужчина.

Лили была почти неузнаваема. Ее золотые волосы, обычно сиявшие чистотой, были собраны в небрежный, сбитый хвост; пряди прилипли к потному лицу. На ней был красивый голубой тренировочный комбинезон, на локтях уже виднелись потертости, ткань на коленях порвана. Она стояла, сгорбившись, тяжело дыша, руки беспомощно опущены вдоль тела. Даже отсюда Рей видел, как дрожали ее пальцы.

Напротив нее стоял мужчина. Судя по всему, тот самый посол, о котором говорил Арчи, – Максим Озерский. Он был ее полной противоположностью. Высокий, тощий, как жердь, с безупречно уложенными кудрявыми рыжими волосами. На нем был не тренировочный костюм, а идеально сидящий костюм-тройка цвета морской волны в мелкую полоску. На лице – ни намек на морщину. Браслеты на его запястьях и лит-панели у висков горели ровным, холодным серебристым светом – признак высочайшего контроля. Он не кричал. Он говорил. Четко, без эмоций, и от этого его слова резали, как лезвие.

– Снова, Стимс. Базовая конфигурация несущей стены. Фокус на стабильность, а не на высоту. Вы распыляете энергию, как простуженная старуха распыляет молитвы.

Лили кивнула, сжала кулаки. Ее браслеты вспыхнули теплым золотистым светом. Перед ней замерцал, начал формироваться полупрозрачный золотистый объект. Но он был неровным, по краям текли энергетические «слезы», а в центре пульсировало темное пятно нестабильности.

– Позорище! И вы претендуете на архитектурный? Это смешно! Вы не понимаете базовых принципов! – голос Озерского прозвучал как удар бича. Он даже не пошевелился, лишь мизинцем левой руки сделал едва заметное движение. От одного из пилонов к щиту Лили метнулась тонкая, как игла, серебристая жилка энергии. Она даже не ударила – просто коснулась. Стена Лили взорвалась хлопком горячего воздуха и брызгами искр. Девушка с криком отшатнулась, упала на колено, зажав лицо руками.

– Я... Я просто хотела... Прозрачную стену... Как в Белой оранжерее Валдариона...

– Мисс Стимс, какие к черту прозрачные стены?! Белую оранжерею строили лучшие архитекторы прошлого столетия! И все они были сильнейшими архонтами земной специализации! – он раздраженно потер переносицу. – Пока вы похожи на них лишь тем, что родились под знаком земли! Еще раз!

Лили всхлипнула, но поднялась, заново запуская конструкт.

Арчи уже заметил Рея и махал рукой с верхних рядов. Он поднялся к ним, машинально опустившись на холодное металлическое сиденье. Арчи похлопал его по здоровому плечу, Селеста, не отрывая взгляда от поля, сделала ему изящный кивок. В руках она держала телефон и вела прямую трансляцию тренировки – прямиком в эфир своей страницы. Казалось, этим двоим было все равно, что происходит с их подругой.

– Ну что, герой? Пропал на три дня! Мы беспокоились! – Арчи протянул ему один из двух термосов, откуда пахло кофе с коньяком. – Рассказывай в красках! Как ты этого посла к ногтю прижал? Кто там был?

Рей отхлебнул, чувствуя, как обжигающая жидкость разливается по желудку, давая ложное ощущение тепла и уверенности. Арчи Вентворт был из тех людей, которым нужно было отвечать. Иначе их молчаливое любопытство превращалось в допрос с пристрастием. Мысль о том, что история с его позором может вырваться на свободу – сначала к друзьям, а затем, с быстротой сплетни, ко всем их подписчикам, – была невыносима. Рейнольдс чувствовал, как под черепом начинается лихорадочная, ювелирная работа: подбирать слова, которые выстроятся в идеальную стену – без зазоров для вопросов, но и без пробоин для насмешек. Нельзя было дрогнуть. Ни на секунду.

– Да ничего особенного. Прикинь, она в архиве работает? – рассеянно сказал он, глядя на поле, где Лили, рыдая, пыталась подняться. – Начала читать лекцию о долге и чести. Я ее оборвал. Сказал, что ее убогий уровень силы и место под книгами лучше всего говорят о ее компетенциях. Что мне не нужны советы от того, кто сам еле выкарабкался со дна.

Арчи одобрительно хмыкнул.

– Прямо в точку. А она что?

Рейнольдс не ответил. На поле у Лили опять ничего не получалось, но теперь посол перестал ограничиваться нотациями. Озерский усилил поток од-энергии; вибрация прошла по земле, разбила конструкт Лили и сбила ее с ног. Колени разбились в кровь.

– Рей, так что? – Арчи не следил за происходящим; достижения Рейнольдса, казалось, волновали его больше.

– А? – Рей отвлекся от поля и наконец посмотрел на него.

– Что посол тебе ответила?

– Побледнела, скривилась. Сказала, что дает мне пять дней на раздумья. Я ответил, что мне и пяти секунд не нужно.

– И ушел?

– И ушел, – Рей выдержал паузу, добавив для солидности: – Она пыталась остановить, но я отказался.

– И правильно, – вступила Селеста, не отрывая глаз от камеры. Она плавно вела объектив за Лили. – Твои мучения кончились, Рей. Ты свободен. Можешь теперь с чистой совестью наслаждаться жизнью. Правда, непонятно, почему ты до сих пор в списках, – задумчиво проговорила девушка. – Ну, думаю, это временно!

В ее голосе прозвучало что-то странное. Не злорадство, а скорее... холодное любопытство энтомолога, наблюдающего, как букашка борется в капле смолы.

– Как вы можете на это спокойно смотреть? Почему он так... издевается? – кивнул Рей в сторону поля. Озерский что-то говорил Лили, та мотала головой, явно умоляя о перерыве.

– Выбора-то нет, – вздохнул Арчи, откидываясь на спинку. – Позавчера, когда этот Озерский прибыл, он устроил ей вступительный тест. Попросил выставить элементарный защитный купол на десять секунд. У нее не получилось. Совсем. Он тогда так посмотрел на нее... я думал, он развернется и уедет. Но нет. Видимо, решил, что материал хоть и дерьмовый, но лепить можно. Теперь не дает ей проходу. Говорит, если за неделю не сможет показать стабильный конструкт, он отзовет поручительство. А без него не видать ей Академии. Ты же в курсе.

– Но почему именно несущая стена? Нельзя чего-нибудь попроще?!

Арчи посмотрел на Рейнольдса так, словно тот только что признался, что Маргарет, перебрав с алкоголем, купается голый в их фонтане в «Серебряных кедрах», напевая песни своей и Алана молодости. Даже Селеста отвлеклась от съемки и обернулась.

– Что я такого спросил? – не выдержал Рей их взглядов.

– Вы точно встречаетесь? – саркастически спросил друг. Никсон кивнул. – Лили рисует с детства и хотела сначала поступать на архитектора концертных залов в Скалистогорский институт архитектурной инженерии.

Арчи сделал паузу, видя, как вытянулось от удивления лицо Рейнольдса. Лили никогда ему об этом не говорила. Он даже не знал, что она рисует.

– Ну да... – подтвердила Селеста. – Вот только стоимость обучения там... – она прищипнула. – А конкурс на стипендию для одаренных Лили не прошла. А отчим денег не дал. Хотя про это, думаю, ты знаешь.

Рей в знак подтверждения кивнул.

– Так вот, – продолжил Арчи, отхлебнув кофе с коньяком. – После того как отчим фактически оставил ее без наследства покойной бабки, Лили начала искать варианты бесплатного обучения. А их, мягко скажем, немного. В Проценториуме нет ничего. В Валдарионе есть, но при условии получения гражданства. В Алмаранте нам делать нечего – студентов недружественной страны там вряд ли встретят с почестями. Вот и остается Арлюминер, в который единственный прямой билет – Смотрины. Четвертого не дано... – грязно-зеленые глаза Арчи на миг блеснули той мимолетной жалостью, которую испытывают прохожие, видя чужое несчастье.

Этот миг прошел быстро, и уже в следующую секунду Арчи широко улыбнулся, осушил термос и повернулся лицом к полю, рассказывая Рейнольдсу в красках, кто такой Максим Озерский. Рей слушал вполуха; его больше удивляло и расстраивало то, что девушка, которую он считал одним из самых близких людей, не рассказала ему ничего личного. Да, они встречались не долго – всего пару месяцев, но за это время можно было найти минуту! Он же рассказывал о себе! Может быть, тогда он смог бы ей помочь... Поговорил бы с Маргарет, оплатил обучение. Правда, для этого пришлось бы выразить свои намерения более серьезно, но это уже детали.

И вот из-за этой недосказанности Лили вынуждена терпеть издевательства. Рейнольдс почувствовал, как внутри нарастает раздражение, а зубы стискиваются все сильнее.

Лили, отпив воды, вытерла лицо рукавом, оставив грязную полосу на щеке. На ее тонких запястьях, там, где давили браслеты, уже виднелись синеватые пятна. С колен сочилась кровь. У Рейнольдса сердце сжалось. Но это была не жалость. Это было нечто более примитивное и яростное. Чувство собственности. Его Лили. Та, что светилась на вечеринках, чей смех был серебристым колокольчиком, чьи губы шептали ему «останься». Эту девушку, сейчас больше похожую на загнанного зверька, он не знал. И виноват в этом был этот выхолщенный ублюдок в костюме.

Рейнольдс сжал кулаки. Его браслеты и лит-панели мигнули агрессивным красным сиянием. Всего на мгновение – так быстро, что никто не заметил.

Озерский что-то сказал Лили, указывая на центр поля. Та замотала головой, отступила. Он повторил приказ, и голос его стал острее. Она попыталась повернуться, чтобы уйти. И тогда он сделал резкое, отрывистое движение рукой. Не атаку. Нет. Просто жест «вернуться». Но вместе с жестом от поверхности поля к ногам Лили взметнулась низкая, широкая волна уплотненного грунта. Она ударила ее по лодыжкам – не больно, но оскорбительно точно, – заставив споткнуться и упасть плашмя в грязь, оставшуюся от его предыдущих упражнений. Земля смешалась с ее кровью и слезами.

Удар. Рей не осознавал, что выронил термос, пока горячая жидкость не обожгла ноги.

– Эй, – настороженно сказал Арчи, видя его взгляд. – Рей, не надо. Это ее путь. Она сама выбрала.

Но он уже не слышал. Рей вскочил, несколькими прыжками спустился вниз, затем перемахнул через барьер последней трибуны, спрыгнув на бетонный проход. Высота была приличной; он приземлился неуклюже, подвернув ногу, но боль лишь подлила масла в огонь. Он заковылял, а потом побежал через поле к тому месту, где Лили, всхлипывая, пыталась подняться из грязи, а Озерский смотрел на нее с выражением брезгливого разочарования, как на испорченный инструмент.

– Хватит! – закричал Рей, еще не добежав. Его голос сорвался, прозвучав по-юношески тонко на фоне гула ретрансляторов.

Озерский медленно повернул голову. Его взгляд, светлый, почти бесцветный, скользнул по Рею – от грязных кроссовок до растрепанных волос. Ни удивления, ни гнева. Лишь ленивое, холодное любопытство.

– Лили, иди сюда, – сказал Рей, поравнявшись с ней. Он протянул руку, не глядя на Озерского.

Лили взглянула на него, и в ее глазах мелькнул целый калейдоскоп: стыд, облегчение, страх, надежда. Она потянулась к его руке.

– Мисс Стимс, – голос Озерского был тихим, но перекрывал гул. – Вы не сделали и половины подхода. Встаньте и вернитесь на позицию.

Его пальцы едва дрогнули. Грунт под ногами Лили снова ожил, обвивая ее лодыжки мягким, но неумолимым кольцом, удерживая на месте. Она вскрикнула от испуга и отдернула руку.

Рейнольдс взорвался.

– Я сказал, хватит! Ты что, не видишь, что она не может?! – Он шагнул вперед, между Лили и Озерским. Его браслеты и лит-панели замигали тревожным алым. – Отстань от нее!

– Рей, не стоит... – еле слышно сказала Лили.

Теперь на лице Озерского появилась эмоция. Легкая, ядовитая усмешка.

– А, – протянул он. – Никсон-младший. Я слышал, ты отказался от Смотрина.

Рейнольдс удивленно посмотрел на Лили. Она стыдливо отвела глаза, не желая встречаться с ним взглядом. Догадаться, кто рассказал Озерскому о его отказе, было нетрудно.

– Мудрое решение, – продолжал Максим. – Избавил всех от лишнего зрелища. А теперь избавь и меня от своего присутствия. У нас тут учебный процесс.

– Учебный процесс? – Рей фыркнул; его трясло от ярости. – Это выглядит как издевательство! Она падает, у нее синяки!

– А у тебя, я смотрю, ни синяков, ни мозолей, – парировал Озерский, рассматривая свои безупречные ногти. – Золотой мальчик, который руками сам ничего делать не умеет. Мальчишка, который дал деру, испугавшись Смотрин!

Удар был точен и болезнен. Рей почувствовал, как горит лицо.

– Я не убегал! Я сделал выбор!

– Выбор труса, – улыбнулся Озерский. – Ты боишься, что твоя жалкая сила, накачанная, прости, наследственными пилюлями и деньгами мамочки, рассыплется при первом же настоящим испытании. Ты – неудачник по умолчанию, Никсон. Даже посол тебе достался ущербный. Карл Розенберг? Живой труп на колесиках. И его протеже, эта... Сол. Чей максимум – каталогизировать чужие подвиги. Твоя карьера, будь ты хоть трижды архонтом, не уедет дальше пыльных полок. А у нее, – он кивнул на Лили, – есть шанс. Потому что ее тренирую я. И я выжму из нее все, даже если придется размозжить ее хрупкие косточки об эту землю. Потому что в Арлюминере ценят результат, а не нытье.

Каждое слово било, как молоток, вбивая гвозди в крышку его самооценки. Рей стоял, сжав кулаки, и ненавидел. Ненавидел этого человека, его холодную уверенность, его костюм, его силу. Ненавидел себя за то, что не может найти достойный ответ.

– Прекрати, – прошипел он.

– Или что? – Озерский приподнял бровь. – Ты вызовешь на дуэль? По кодексу Смотрин, кандидат имеет право вызвать посла, если считает методы неприемлемыми. Но для этого нужно быть кандидатом. А ты даже этого не выдержал. Отказался. Так что отойди в сторону, мальчик. Не мешай взрослым работать.

Это было последней каплей. Разум отключился. Осталась только белая, слепая ярость.

– Я НЕ ОТКАЗАЛСЯ! Я еще значусь в списках! – рявкнул Рейнольдс на весь стадион. – Я вызываю тебя на смотр!

Гул ретрансляторов будто стих на секунду. Арчи замер с открытым ртом. Озерский перестал улыбаться. Его лицо стало каменным.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

На лице архонта мелькнуло нечто вроде... интереса. Хищного, холодного.

– Ну что ж, – сказал он, расстегивая пуговицы на рукавах рубашки и закатывая их по локоть. – Раз ты настаиваешь на публичном унижении... Правила просты. Без летальных исходов. Без тяжелых увечий. Первый, кто не сможет продолжать или будет выброшен за пределы поля, – проиграл. Лили, – он даже не взглянул на нее, – отойди к своим друзьям. Это будет уроком для всех.

Кольцо земли, державшее ее, рассыпалось. Лили, всхлипывая, побежала к трибунам, где Арчи уже спустился вниз и принял ее, обняв. Селеста же, не сводя глаз с видеоискателя, проговорила вполголоса, но так, что было слышно: «Начало смотра между кандидатом Никсоном и суперинтендантом Озерским».

Рей остался один на зеленом поле, под безжалостным светом прожекторов и дрожащим куполом. Против него стоял человек, чья сила была отточена годами реальной работы. Сердце колотилось где-то в горле. Страх был острым, металлическим.

Озерский не стал церемониться. Сделал шаг вперед и резко, рубяще, опустил руку. Его лит-панели и браслеты замерцали под нагрузкой.

Рей инстинктивно прыгнул в сторону. Там, где он стоял секунду назад, из газона вырвался и взметнулся вверх острый шип уплотненной земли высотой в человеческий рост. Если бы он замешкался, его бы пронзило насквозь.

Кажется, Озерский сказал «без тяжелых увечий»? Как же тогда расценивать эту атаку?

Рей не мог ответить, но понимал: бороться нужно всерьез, не жалея сил. Перед ним, на расстоянии вытянутой руки, из земли поднялась стена. Плотная, серая, высотой метра два. Он больно ударился об нее лбом, уходя от предыдущего удара. Перед глазами запрыгали мушки. Рей попытался ударить по стене сгустком пламени – его браслеты мигнули, выбросив короткую алую вспышку. Пламя ударило в стену, но не пробило ее. Земля поглотила жар, лишь раскалившись докрасна в точке удара.

– Огонь, – констатировал Озерский, уже с другой стороны стены. Его голос звучал ото всюду. – Эмоциональная, нестабильная стихия. Хороша для устрашения, для вспышек. И бесполезна против терпения и фундамента.

Стена рухнула внезапно, но не с глухим рокотом, а с сухим, звонким, хрустальным треском. Она не падала – она взорвалась внутрь, рассыпавшись лавиной осколков, каждый размером с кулак и с краем острее бритвы. Они посыпались на Рея каменным дождем. Он инстинктивно рванул назад, но подошва скользнула. Неловкое, почти комичное падение – и резкий, точный удар в плечо. Сперва он почувствовал не боль, а глубокий, влажный холод, будто ему в мышцу вогнали сосульку. Лишь потом холод сменился жгучим жжением, а на ткани медленно и неумолимо расплзлось алое пятно. Холодок боли пробежал по всему телу, заставив его застыть на земле.

Озерский появился в поле зрения, стоя в нескольких метрах. Он смотрел на Рея, как на лабораторный образец.

– Детский сад. Ты даже не понимаешь, как пользоваться своей силой. Огонь – это не только выстрелы. Это – энергия. Фазовый переход. Расширение. Нагрев, – вздохнул Озерский.

Он сделал движение, будто отшвыривая что-то. Земля под Реем вздыбилась, и его, вместе с камнями, отбросило на несколько метров, прямо к самому краю поля, к бетонному бортику. Удар выбил воздух из легких.

С трибун донесся крик Лили: «Остановитесь!»

Но остановки не было. Рей, кашляя, поднялся на локти. Унижение жгло сильнее ушибов. Он видел, как Арчи держит Лили, не давая ей броситься вниз. Видел холодный объектив камеры Селесты, направленный на него. Он был зрелищем. Посмешищем. Именно так, как и предсказывал Озерский.

Посол медленно шел к нему, не торопясь, наслаждаясь моментом.

– Все, мальчик? Или хочешь еще?

Рей встал. Его браслеты пылали не яростным алым, а ровным, горячим оранжевым светом. Он не смотрел на Озерского. Он смотрел на землю у своих ног. На трещину в старом асфальте, из которой пробивалась жесткая трава.

Он опустил руку, не для удара, а будто проверяя температуру. И потянул. Не огонь из себя. Тепло. Тепло от раскаленных камней, что валялись рядом. Тепло от своего собственного тела. Тепло от воздуха, который гудел от ретрансляторов. Он собрал его, не выпуская наружу, а сконцентрировав в ладони, в невидимый, пульсирующий шар. Точка перегрева.

Озерский, увидев отсутствие привычной атаки, нахмурился и решил закончить. Он резко ударил ногой в землю. От его ступни побежала волна, вздымая газон, как одеяло. Она неслась на Рея, чтобы сбить его с ног.

Никсон не стал уворачиваться. Он присел и воткнул сконцентрированное тепло в землю прямо перед собой, в ту самую трещину.

Эффект оказался не таким, как он ожидал.

Тепло, вместо того чтобы мягко спаять асфальт, встретилось с холодной, плотной массой земли, которую вел Озерский. Произошел мгновенный, жестокий термический шок. Земля, уплотненная волей архонта, была монолитной. Резкий нагрев в одной точке создал чудовищное напряжение.

Раздался низкий, гортанный треск, похожий на лед, ломающийся под тяжестью. От точки концентрации, через весь газон, от одного бортика поля до другого, метнулась глубокая, черная трещина. Она уходила вглубь, обнажая темную почву, дренажные трубы, старую бетонную подушку. Ширина ее в центре была уже с полметра.

Волна земли, посланная Озерским, наткнулась на эту пропасть, обрушилась в нее частью, потеряла силу и рассыпалась.

Максим, сделавший шаг вперед для финального толчка, оказался в самый неподходящий момент на краю внезапно возникшей трещины. Левый край поля под ним просел, земля осыпалась. Он потерял равновесие, махнул руками и, с лицом, искаженным чистой, неподдельной яростью и непониманием, рухнул в провал.

Рейнольдс, стоявший на противоположном краю, почувствовал, как грунт уходит из-под ног. Трещина расширялась, пожирая край поля. Он отпрыгнул назад, на более устойчивый участок, но под его правой ногой асфальт с грохотом обвалился. Он повис, уцепившись рукой за край, нога болталась над дырой, из которой несло сыростью и холодом. Где-то внизу, на промежуточном уступе разрыва, с глухим стуком приземлился Озерский. Судя по ругани – живой.

Рей пытался подтянуться, но единственная рабочая рука дрожала. Сил не хватало. Край асфальта крошился под его пальцами. Он слышал далекие, как во сне, крики с трибун. Перед глазами проплывали обрывки: насмешка Озерского, слезы Лили, холодные глаза Теи Сол.

В этот момент чистой, животной растерянности, его сознание, ища хоть какую-то опору, нащупало нечто знакомое. Вибрацию. Ту самую дрожь в воздухе от ретрансляторов. Гул, который он слышал все это время, но на который не обращал внимания. Энергию, которая лилась в столбах по углам поля и питала защитный купол.

Внешняя, чужеродная, мощная, структурированная сила.

Не думая, на чистом отчаянии и каком-то смутном воспоминании об отцовских лекциях о «резонансе» и «наведенных токах», он ухватился за этот гул. Не пытаясь его контролировать – это было выше его сил. Он просто... направил на него свое собственное, жалкое остаточное тепло. Как камертон, который подносят к струне.

Столбы энергии от ретрансляторов дрогнули. Их ровное свечение затрепетало. Часть энергии, крошечная, ничтожная доля, будто соскочила со своей траектории и, привлеченная его паническим «запросом», устремилась вниз, в трещину. Она пошла по краям разлома и... спеклась. Мгновенным, точечным, чудовищно точным импульсом жара, направленным не вглубь, а вдоль стенок разлома. Почва, асфальт, дренажные трубы – все на грани трещины на микроуровне оплавилось и слиплось, как стекло в печи. Процесс занял несколько секунд. Трещина перестала расплзаться. Ее края, еще мгновение назад сыпучие, теперь были покрыты тонкой, блестящей, похожей на обсидиан коркой спекшегося грунта.

Земля под ногами Рея перестала осыпаться. Он смог найти упор, оттолкнуться и выкатиться на безопасное место, тяжело дыша. С другого края трещины, снизу, послышалось ругательство, затем шум – Озерский, видимо, карабкался по внезапно ставшим прочными стенкам.

Наступила тишина. Гул ретрансляторов вернулся к норме. Прожектора освещали поле, посеченное трещиной, которая теперь выглядела как шрам, частично затянутый черным стеклом.

Первым пришел в себя Арчи. Он спустился на поле, осторожно обходя трещину.

– Рей! Ты в порядке? Это было... это было нереально!

Селеста появилась с ним; она медленно опустила камеру. На ее обычно невозмутимом лице читался шок.

Лили вырвалась и побежала в другую сторону – к Озерскому. Тот с трудом вылез из трещины. Его безупречный костюм был в грязи и пыли, волосы растрепаны, на скуле красовалась

ссадина. Он дышал тяжело, но не от усталости, а от ярости. Лили помогла ему встать и подойти к сидящему на земле Рею.

– Ты, – прошипел Озерский, и в его голосе кипела такая ненависть, что даже Арчи отступил на шаг. – Ты... бездарный, неуправляемый щенок! Ты чуть не обрушил стадион!

Рей поднял на него глаза. Внутри была пустота. Не было ни победного чувства, ни страха перед угрозами.

– Ты проиграл, – тупо сказал он.

– Что?! – рявкнул Озерский. – Это был несчастный случай, спровоцированный твоей безграмотностью! Ты опасен, Никсон! Опасен для себя и для окружающих!

Он резко повернулся к Лили.

– Стимс! Собирайся. Мы уезжаем. Ты сегодня еще отработаешь свой подход. На другом полигоне.

Лили посмотрела на Рея. В ее глазах была благодарность, страх, растерянность. И что-то еще – холодный, практичный расчет. Озерский был ее посланцем. Ее шансом. Рей... Рей был... чем? Героем одного дня, который только что навлек на себя гнев влиятельного человека.

– Лили... – начал Рей.

– Я же просила, Рей, – обиженно прошипела она, поджав губы.

Потом, не глядя на него, она развернулась и быстро засеменила за удаляющимся Озерским. Маленькая и жалкая на фоне огромного, изуродованного поля. Арчи и Селеста, извинившись перед Рейнольдсом и подбодрив его победой, последовали за ними.

– Я опубликую эту сенсацию! – перед уходом заявила Селеста. – Ты же не против, Рей?

Рей покачал головой, не в силах ничего сказать. Он смотрел, как они уходят. Боль, которая разлилась в груди, была острой и конкретной. Хуже, чем после унижения от Теи. Та боль была оскорблением гордости. Эта – была предательством.

Рей медленно поднялся на ноги. Плечо горело. Он не чувствовал себя победителем. Он чувствовал себя инструментом. Разбитой игрушкой в руках нелепой случайности. Он спас себя и того ублюдка? Случайно. Он «победил»? Нечаянно. А Лили все равно ушла не с ним.

Глава 8. Архонт и архивариус

«Привязка кандидата к Послу перехода, закрепленная в Реестре, является актом принятия полной ответственности за его жизнь, подготовку и честь рода до окончания Смотрин или официальной дисквалификации.»

– Ст. 7. Раздел «Обязанности Посла». Кодекс Смотрин.80 год

Сны, если они у Теи Сол и бывали, никогда не оставляли после себя образов. Оставалось лишь чувство – тяжёлое, липкое, будто она продиралась сквозь чашу из чёрного бархата, а ветви цеплялись за одежду, шепча что-то на давно забытом языке. Шёпот звучал его голосом – басистым, с хрипотцой, словно рык, поднимающийся из тьмы самой глубокой впадины. Она просыпалась всегда мгновенно, с чётким, как удар ножа, осознанием места, долга и острым желанием не возвращаться обратно.

Иногда это происходило прямо в кабинете. Как и сейчас.

Она открыла глаза, и первое, что ударило по ещё не проснувшимся чувствам, был не свет, а запах. Прогорклый, навязчивый запах подвального архива посольства Арлюминера.

Здесь воздух был создан для хранения. Он висел тяжёлой взвесью: едкая нота выхлопного чада от древних бензиновых генераторов, удушливый шлейф перегретого металла и машинного масла от вечно подтекающей техники. В углу, словно белые вороны новой эпохи, стояли новенькие од-ретрансляторы, подключённые к её монитору. Пыль здесь была не исторической патиной, а грязным налётом на всём сущем, смешанным с каплями смазки. От этого коктейля в горле вставал ком, а в висках пульсировала тошнота.

Тея Сол уже семь лет работала среди стеллажей, и размеренный, предсказуемый такт архивного времени её устраивал. В нём было спокойно и... безопасно. Работа была отдушиной и проклятием одновременно.

Здесь, в столице, она тоже её не оставила. Карл, вечно всё предвидящий, выбил ей эту подработку на период Смотрин:

«Чтобы, тёмная материя тебя побери, не маялась от безделья и не считала ворон, пока я тут подыхаю в одиночестве.»

Денег ей и правда не хватало. Командировочные Арлюминера были униЗИТЕЛЬНО малы, а Меркатория – город небоскрёбов, флайеров и цен, от которых сводило скулы. Она могла позволить себе только наземный транспорт, да и то с оглядкой. Поэтому, стиснув зубы, приняла предложение Карла и погрузилась в бумажный – и цифровой – океан.

Архив посольства был скромнее главного, но всё равно внушИТЕЛЕН. Здесь, под сенью арлюминерского суверенитета, хранились хрупкие реликвии прошлого: уцелевшие книги и документы информационной эпохи, ещё до Великой Катастрофы. По старым соглашениям Арлюминер, как нейтральный арбитр и хранитель знаний, брал под защиту исторические свидетельства всех великих держав. А ещё – подробнейшие хроники Смотрин за последние сто с лишним лет.

За пару дней она закончила всю основную работу: внесла данные, составила опись, разобрала кипу документов от проценторианских чиновников. И теперь, в тишине, нарушаемой лишь гулом ретрансляторов, да тиканьем настенных часов в стиле ретро, наступило время для главного.

Узнать порядок отказа от кандидата.

Мысль о Рейнольдсе Никсоне вызывала в ней странную смесь раздражения, безразличности и... смутной, нежеланной доли понимания. Карл, когда она позвонила ему тем вечером, отреагировал со своей обычной усталой мудростью: «Богатые мальчишки, лезущие на рожон из

чувства долга, которого не чувствуют, – последнее, что нам нужно, – просипел он в трубку, сдавшись в приступе кашля. – Но, альра... по всем данным, пацан силён. Хоть и глуп как пробка. И несчастен».

Да, в каком-то смысле пацана было жалко. Но жалость не умеет выживать. В конце концов, она дала этому мальчишке несколько дней форы, и если бы ему было нужно – уже извинился бы. Ей были нужны его извинения не потому, что золотой подросток зацепил её гордость. Она понимала: если он не повинуетя даже в такой мелочи, то контролировать его в чём-то большем будет невозможно. А неконтролируемый кандидат им с Карлом смерти подобен.

Пересилив внутренний трепет – тот самый, что поднимался всегда, когда приходилось покидать свою скорлупу, – Тея выбралась из подвала и вышла из здания аппарата посольства. Воздух на территории был идеальным, как всегда: стерильно прохладным, лишённым запахов городской грязи. Над головой, вместо настоящего неба, простирался атмосферный купол-симулякр. Бархатная лазурь с застывшими, слишком правильными перламутровыми облаками. Прекрасное, мёртвое небо страны, отгородившейся от мира Зеркалами Саргума.

По краям купола, впиваясь в сияющую твердь, стояли белые обелиски-ретрансляторы, уходившие ввысь так высоко, что конца их не было видно. От них исходила едва слышная вибрация, ощутимая скорее кожей, чем ухом, – низкий, мощный гул одической энергии, крови и души Арлюминера. Сила была повсюду, как воздух. И так же незаметна. Пока не проявится.

Повинуясь негласному требованию появляться в арлюминерском обществе только в атрибутах своего рода, Тея накинула на плечи кардиган глубокого синего цвета, почти монашеский по крою. На левой стороне груди мерцал символ рода Розенберг – ледяная многолучевая звезда в круге. По контуру шла выцветшая от времени, но всё ещё различимая серебряная нить, вышитая готической вязью: «Служение. Долг. Честь».

Знак Карла. Героя последней мировой, чьё имя вот уже три десятилетия входило в учебники истории. Пока она шла по дубовой аллее к административному корпусу, каждый, кто видел этот символ, реагировал на него: кивал, почтительно здоровался, отводил взгляд с внезапным уважением или, сжав губы, с ненавистью отворачивался. У Розенберга была разная репутация. Это заставляло Тею внутренне вздрагивать. Знаки внимания были адресованы не ей, а тени великого человека, к которой она была привязана, как ремешок к часам. Паразит. Мысли жалили, как осы, и она давно научилась их игнорировать, но от этого они не исчезали.

За последние семь лет её жизнь свелась к Карлу, к пыльным фолиантам, к редким лекциям на его кафедре и к коротким, деловым визитам десниц архонтов. Она отвыкла от людей. От их взглядов, голосов, ожиданий. От необходимости быть не тенью, а личностью.

Одним из тех редких лучей, что несколько лет назад пробился в её затворнический мир, была Амалия Родригес. Харизматичная, яркая, как тропическая птица в стае учёных воронов, она управляла мероприятиями Палаты правления с таким блеском и хаосом, что это восхищало и пугало одновременно. Именно ей, как выяснила Тея, поручено операционное управление Смотринами. Зная вездесущность этой женщины, Тея была уверена: она-то точно поможет с оформлением отказа.

Кабинет Амалии оказался эпицентром контролируемого хаоса. Воздух в нём гудел – не метафорически, а физически – от низкого напряжения, исходящего от скрытых од-концентраторов. Пахло дорогими духами с ноткой жасмина, старинными чернилами, перегретым металлом и – Тея почувствовала это сразу – едва уловимой, но несомненной ноткой страха. Того самого, щекочущего нервы страха, что витал над всем посольством в преддверии Смотрин.

Сама Амалия, увидев её, всплеснула руками, отчего со стола слетела стопка голографических табличек.

– Тея! Я уже думала, тебя архив поглотил без остатка!

Она была всё той же: огненная шатенка с невероятным объёмом волос, уложенных в кажущуюся небрежной, но безупречную причёску. Ярко-красная помада, строгий, но безумно

дорогой костюм цвета охры и глаза – тёплые, карие, в которых мгновенно читались и радость, и беспокойство, и тысяча планов одновременно.

– Он пытался, – улыбнулась Тея, позволяя себе на миг расслабиться.

– Садись, садись! Прости за бардак, – Амалия жестом указала на стул, заваленный схемами. – Знаешь, как у меня? «Хаос – это просто неупорядоченный порядок». Твой старик как-то сказал.

– Он много чего говорит, – отозвалась Тея, сгребая бумаги в аккуратную стопку. – Спасибо ещё раз за квартиру. Выручила.

– Пустяки! – Амалия отмахнулась, но её взгляд стал оценивающим. – Как Карл? Говорила с ним?

– Говорила. Кашляет. Брюзжит. Как обычно, – Тея пожала плечами. – А у тебя что новенького? Кроме... всего этого.

– О, не спрашивай! – Амалия закатила глаза с комическим ужасом. – Этот Павервольт... Ты знаешь, он скинул на меня всё! Всё! А сам, я уверена, только тем и занят, что ходит хмурый и пугает подчинённых. Устроился, понимаешь ли, куратором. Синекура! А мне, – она понизила голос, – из-за него некогда личную жизнь строить!

– Снова? – Тея приподняла бровь. Романы Амалии всегда были яркими, скоротечными и обычно заканчивались скандалом.

– Снова! Местный. Не наш, – Амалия сделала таинственное лицо. – Очень влиятельный. Очень... состоятельный. И очень осторожный. Встречи – только у меня. Ну знаешь... Заезжает на «кофе», – девушка хихикнула.

Тея нахмурилась, старый, почти материнский инстинкт зашевелился где-то глубоко.

– Амалия, ты играешь с огнём. Чужак на территории посольства... Если узнают...

– Да кто узнает-то? – Амалия махнула рукой, но в её глазах мелькнула тень. – Он... он слишком много теряет, чтобы болтать. Игра опасная, знаю. Но, Тея, скучно же! Весь этот Арлюминер, эти церемонии, эти каменные лица... Мне нужен глоток настоящего воздуха. Даже если он пахнет чужим одеколоном.

Она снова погрузилась в голограмму – макет главной площадки для Смотрин.

– Помнится, у тебя и с кандидатской работой был похожий бардак, – заметила Тея, чтобы перевести разговор.

– О, не напоминай! И если бы не ты со своими архивами, я бы не защитилась никогда. Все эти свитки про ранние трансмутационные практики... Сплошная кровь и кошмары. А у меня тогда... – она снова понизила голос до шёпота, – ...тот самый роман с инструктором по телекинезу. Помнишь, тот красавец с ямочкой на подбородке и полным отсутствием мозгов? Я думала только о том, как бы сдвинуть с места не его свитки, а...

– Помню, – быстро прервала её Тея. – Ты тогда сказала, что я спасла тебя от академического позора.

– И от морального тоже! – воскликнула Амалия, её пальцы уверенно двигали зоны на голограмме. – Если бы не твоя помощь, я бы до сих пор копалась в манускриптах. А теперь вот организую главное событие года. Если бы ещё куратор палки в колёса не вставлял!

– Павервольт?

– Он самый! – Амалия фыркнула. – Палец о палец не ударил. А на днях вообще спустил распоряжение – поменять место проведения! Как можно дальше от Меркатории. И это за чуть больше месяца до старта!

Тея нахмурилась. Отдаление от столицы. Повышенная безопасность? Изоляция? Или желание отдалить мероприятие от чего-то в городе?

– Могли быть причины, – осторожно сказала она.

– Да я понимаю! – Амалия вздохнула, и её лицо стало серьёзным. – Шепчутся, что не всё спокойно в нашем королевстве. Говорят, Николас чем-то сильно обеспокоен. Не спит. Злится на всех.

Она снова принялась за голограмму, но взгляд её стал отсутствующим.

– Кстати, о проблемах... Часть послов не зарегистрировалась. Просто... не прибыли.

Ледяная пустота возникла в груди Теи.

– А их кандидаты? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– В том-то и странность, – Амалия встретила с ней взглядом. – И кандидатов некоторых нет. Сложилась ситуация, когда кандидат есть, а Посла перехода нет. Ся Линь Вэй. Кандидат от Алмаранта. Говорят, Чрезвычайный посол лорд Цзянь уже выставил ноту протеста. Пахнет большим скандалом.

– Значит, у неё нет посла. А у меня, возможно, скоро не будет кандидата...

Она посмотрела на Амалию с внезапной решимостью, которой не чувствовала.

– Я могу взять её.

Амалия удивлённо подняла бровь.

– Ты? Взять кандидата от Алмаранта? Ся Линь Вэй? А кто твой нынешний подопечный?

– Рейнольдс Никсон.

– Никсон? – глаза Амалии округлились. – Но это же... известная семья! Хотя и трагически... Смерть Алана Никсона была большой потерей. Великий ум.

– Ты его знала? – удивилась Тея.

– Кое-что, – Амалия отмахнулась, но её движения стали менее уверенными. – Несколько лет назад я работала помощницей у Павервольта. Алан был его другом детства. Он иногда заходил. Яркий, харизматичный... Шутил, что я слишком красива для такой скучной работы, – она слабо улыбнулась. – Неудивительно, что Павервольт опекает его семью. После смерти Алана он стал... другим. Мрачным. Закрытым.

Тея слотнула. Павервольт был покровителем семьи её кандидата. Теперь её угрозы об отказе выглядели личным вызовом человеку, для которого долг и честь были кредо.

– Амалия, – сказала она твёрдо. – Как мне подать официальный отказ от кандидата?

Амалия снова оторвалась от работы, её лицо выразило искреннее недоумение.

– Тея, опомнись! Рейнольдс, хоть и проблемный, но способный. А эта Ся Линь Вэй... Говорят, она вообще замкнутая, почти не говорит. Принципиальная. С ней будет адски сложно. Алмарантцы... они другие.

– Я тоже не болтлива, – слабо улыбнулась Тея.

– Это не то! – Амалия вздохнула. – Слушай... У меня нет полномочий перераспределять кандидатов! Этим занимается лично Павервольт или комиссия Палаты. Ты можешь направить ему официальное уведомление через систему. А если хочешь, чтобы рассмотрели быстрее... Сходи к нему лично. Он ценит прямоту. Иногда.

Последнее, что хотела Тея, – это личная встреча с Николасом Павервольтом. Его тяжёлый, пронзительный взгляд, его холодная, отточенная манера речи, его абсолютная власть в этих стенах. Она представляла себе этот разговор, и каждый вариант заканчивался для неё плохо.

– Кстати, о твоём «пацане», – оживилась Амалия. – Ты в курсе, что он вчера устроил представление?

Тея насторожилась.

– Какое ещё представление?

– Дуэль! Вызвал на смотр Озерского, того посла, что тренирует Лили Стимс. Прямо на стадионе! Говорят, была такая драма! Озерский в ярости. А твой Никсон... вроде как даже не проиграл. Ранен только.

Тея почувствовала, как у неё медленно отвисла челюсть. Трус, избалованный мальчишка, вызвал на дуэль суперинтенданта Арлюминера? И не проиграл?

– Ты... у тебя есть запись? – спросила она, и голос звучал чужим.

Настойчиво зазвонил телефон. Амалия, нахмурившись, взяла трубку.

– Да?.. Поняла. Спасибо.

Она положила трубку и уставилась на Тею с выражением комического изумления.

– Тея, дорогая... Ты никогда не поверишь. Охрана видела, как ты шла ко мне. Тебя срочно просит к себе Павервольт. Твой телефон недоступен. Сказали – немедленно. У него, видишь ли, окно появилось.

Сердце Теи упало куда-то в пятки, прошло сквозь пол и продолжило падение в бездонные подвалы архива. Этот человек её пугал. И – она с ненавистью признавала это про себя – непростительно, чисто по-женски, притягивал. А такие притяжения в её жизни никогда хорошим не кончались.

– Ничего не поделаешь, – сказала она, и её собственный голос прозвучал странно спокойно. – Пожелай мне удачи.

– Удачи, – с искренним сочувствием сказала Амалия. – И... постарайся его не злить. Он в последнее время на взводе. Как тигр в клетке.

Тея кивнула и вышла в коридор. Остановилась. Затем, убедившись, что никого нет, вернула кольцо с ониксом камнем вниз, к ладони. Потом глубоко вздохнула и пошла к лифтам. Что он хочет? Отказ? Выговор? Или... он знает что-то ещё?

Двери лифта разъехались. Перед ней предстала приёмная – просторная, отделанная тёмным деревом и чёрным мрамором. Воздух здесь был ещё холоднее, гуще. За массивным столом из полированного эбена сидел молодой человек с открытым лицом и умными, быстро бегающими глазами. Он поднял на неё взгляд, и в его глазах не было ни удивления, ни любопытства – только лёгкая усталость.

– Мисс Сол, – сказал он, вставая. – Николас Валерьянович ждёт вас. Проходите.

Он жестом указал на высокую дверь из тёмного дуба с инкрустацией из серебра – стилизованным изображением тигра, закольцованного в круг из своего хвоста в форме стрелы.

Тея подошла и толкнула дверь.

Кабинет поражал не роскошью, а сдержанной, функциональной мощью. Огромное окно-панорама, стеллажи до потолка, забитые книгами. Массивный тёмный стол, на котором царил почти педантичный порядок. И в кресле за этим столом – он.

Николас Павервольт не смотрел на неё. Он изучал документ на планшете, его профиль был резким, как высеченный из гранита. На нём был тёмно-синий костюм, безупречно сидящий на широких плечах. На висках – матовые лит-панели. Он излучал концентрацию и усталость одновременно, как высоковольтная линия, гуляющая на ветру. Тея невольно засмотрелась. Хорош, ничего не скажешь. И тут же внутренне чертыхнулась за эту предательскую мысль.

– Садитесь, мисс Сол.

Голос был низким, бархатистым пеплом. Без единой искры тепла.

Она опустила в кресло, и кожаная обивка холодно приняла её. Пауза растянулась, наполняясь гулом тишины. Он читал, делал пометки, полностью игнорируя её присутствие. Тактика давления. Он ждал, когда её нервы затрещат по швам, когда она заговорит первой, сдавшись. Она сжала пальцы на коленях, сделала медленный вдох, вспомнила запах старой бумаги и воска в своём архиве – свой щит, свою крепость.

Наконец он отложил планшет. Поднял глаза.

И мир сузился до двух точек тёмной синевы. Почти чёрные, но не пустые – глубокие, как колодцы в безлунную ночь. В них не было злобы. Был холодный, хищный, безжалостный интерес. Взгляд, который не видит лица, а сканирует душу, ищет слабые места в фундаменте.

Сердце Теи совершило немыслимое: оно пропустило удар, замерло в пустоте, а затем рванулось в бешеной, глухой гонке, так что кровь зазвенела в ушах.

– Карл Розенберг, – начал он без предисловий, – человек-легенда. Великий воин, блестящий стратег. Его выбор протееже всегда был предметом... любопытства для Палаты.

Тея не отвела глаз. Это был всего лишь разминочный выпад, тест на прочность её брони из тишины и академических цитат.

– И вот, – Павервольт растянул слова, будто пробуя их на вкус. Его взгляд скользил по ней – не как по женщине, а как по сложному, слегка тревожащему манускрипту, написанному на неизвестном языке. – Вы. Тея Сол. Архивариус. Преподаватель низшего звена. Уровень силы – скромный. Специализация – не афишируется. Внешность... – он сделал микроскопическую паузу, и Тея почувствовала, как щёки наливаются жаром, – ...ничем не примечательная. До такой степени, что запомнить её – задача. Скажите, чем вы заслужили такую честь?

Удар был нанесён легко, почти небрежно, но точен, как удар стилетом в щель между пластинами доспеха. Он бил в самое больное – в её неуверенность, в её вечный вопрос. Ярость медленно застучала где-то на подкорке сознания. А она ещё подумала, что «он хорош»! Да уж. Она совсем не умеет разбираться в мужчинах.

– Вопрос не ко мне, господин Павервольт, – сказала она, и голос прозвучал ровнее, чем она ожидала. – Карл Розенберг сделал свой выбор. Я выполняю свой долг перед ним. Всё остальное – домыслы.

– Долг, – повторил он, и в голосе прозвучала лёгкая, ядовитая усмешка, – Прекрасное слово. Одно из трёх на гербе вашего покровителя. Так давайте поговорим о долге. О вашем долге как Посла перехода.

– Временная замена, в связи с болезнью Карла, – вставила она.

– Неважно. Вам выдан кандидат. Рейнольдс Никсон. И что я вижу? – он откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком. – Первая же встреча заканчивается конфликтом. Вы, не сдержав эмоциональный порыв, нагрубили ему. А потом поставили ультиматум об извинении. С каких пор у Карла Розенберга такие методы?

Тея почувствовала, как горят уши и пылают щёки.

– Он напал на меня первым, – сказала она отчётливо. – Применил силу. В нетрезвом состоянии. Оскорблял и меня, и Арлюминер. Я преподала урок. Для некоторых только боль – действенное средство.

– Боль? – Павервольт приподнял бровь. – Вы преподали урок страха. А страх – плохой учитель. Он ломает, но не строит. Вы видели вчерашнее... представление на стадионе?

– Мне о нём сообщили.

– Тогда вы должны понимать, что ваш «урок» не сработал. Он взорвался. Случайно, неумело, но взорвался. И в этом ваша вина. Теперь у меня помимо дипломатического кризиса есть ещё и скандал с участием кандидата, который чуть не разнёс полстадиона в попытке доказать что-то девушке. И всё это – под вашим, с позволения сказать, руководством.

– Я не имею к этому никакого отношения!

– О, более чем имеете! Или вы даже не рассказали вашему кандидату о правилах?! Рейнольдс вызвал Максима Озерского на правах кандидата. И если противник соглашается на дуэль, кандидат не может быть отклонён послом в одностороннем порядке. Таковы правила обеспечения его безопасности после поединка!

Тея встала, опершись руками на стол. Медленно. Пальцы впились в полированное дерево.

– Я пришла сюда, чтобы подать официальный отказ от кандидата Рейнольдса Никсона, – заявила она, глядя ему прямо в глаза. – Он – избалованный бунтующий подросток. У меня нет времени, желания и ресурсов нянчиться с ним. Увольте меня от этой обязанности.

Павервольт смотрел на неё. Затем поднялся сам. Он был выше на голову, и его фигура заслонила свет от окна, навалившись на неё тенью.

– Нет. Я уже внёс вас в регистрационный реестр, – сказал он просто.

– Ч-что?

– Вы остаётесь послом Рейнольдса Никсона до окончания Смотрин, или до его официальной дисквалификации, – он говорил тихо, но каждое слово било, как молот. – Вы взяли обязательство, когда перешли границу, Сол. У вас нет выбора.

– Это абсурд!

– Это приказ! Он – сын Алана Никсона! – голос Павервольта прогремел. В кабинете задрожали стёкла в шкафах. Его лицо исказила вспышка настоящей, неподдельной ярости, за которой мелькнула боль. – Он – последнее, что осталось от человека, который был мне как брат. Да, он ведёт себя как последний дурак! Но он – его сын. Его наследник. И я дал Алану слово, что присмотрю за ними. Вы думаете, мне нравится то, что он вытворяет? Мне противно! Но я сделаю из него архонта. А значит, и вы не отступите.

Они стояли друг напротив друга через стол, два острова враждебности в море холодного воздуха. Тея чувствовала, как дрожат колени, но не от страха. От злости. От бессилия. И от чего-то ещё, какого-то странного, электризующего заряда, что прыгал между ними в этом сгустившемся пространстве.

– Так вы сами и станьте его послом! – бросила она, и слова вылетели, прежде чем она успела их обдумать.

Лицо Павервольта стало каменным.

– Я – куратор Смотрин. У меня нет права брать кандидатов. А у вас есть обязанность. Последняя ваша обязанность перед Карлом Розенбергом – подготовить этого мальчишку и не дать ему опозориться окончательно. Или вы хотите, чтобы он провалился, и все сказали: «Смотрите, какого болвана взяла протееже великого Розенберга»? Это будет позором и для вас, и для него.

– Мне всё равно, что скажут! – почти закричала Тея, теряя контроль.

– Ваша жизнь, мисс Сол, – прошипел Павервольт, наклоняясь через стол так близко, что она почувствовала исходящее от него тепло, – это служение Арлюминеру, пока Карл жив. А после... мы посмотрим.

– Вы забываетесь!

– На территории этого Посольства, в рамках Смотрин, я – ваш руководитель! – он ударил кулаком по столу. Стопка бумаг подпрыгнула. – Или вы забыли, где находитесь?

И мир – моргнул.

Сначала – мгновенная, всепоглощающая тишина. Не физическая, а энергетическая. Фоновый гул ретрансляторов, вечное присутствие од-энергии в воздухе, в стенах – исчез. Рванулся, как натянутая струна. Лит-панели у их висков стали мгновенно холодными и мёртвыми. Свет не погас, а исказился, поплыл, стал плоским и безжизненным. На миг. Всего на миг.

В самом кабинете массивный ретранслятор в углу издал не шипение, а короткий, заглушённый стон – низкочастотный вибрационный удар, от которого задребезжало стекло. В воздухе разлился запах гари.

Пять секунд абсолютной энергетической немоты. Затем – резкий, болезненный толчок. Сила вернулась. Не плавно, а рывком, словно гигантский насос с трудом вкачал энергию обратно. Свет стабилизировался. Гул вернулся, но теперь он звучал хрипло, с надрывом. Лит-панели жгуче заныли. Резкая боль ударила в виски.

Пауза, повисшая после, была иной. Тяжёлой не от гнева, а от ошеломления. Их взгляды встретились, и в них не было прежнего противостояния. Было взаимное, безмолвное удивление и шок. И в этой внезапной пустоте, в этом провале реальности, исчезла ярость, обнажив что-то иное – настороженное, живое, тревожное.

– У меня нет времени, – его голос прозвучал тихо, хрипло, сбито. Вся прежняя театральность исчезла, обнажив голую, усталую решимость. – На ваши капризы. У вас есть сутки. Если к этому времени я не получу чёткого согласия работать по правилам... вам назначат куратора из Службы Безопасности. Он научит вас манерам.

Не угроза. Приговор. Тея, всё ещё бледная, с сердцем, колотившимся о рёбра, сухо кивнула. Не сказав ни слова, она развернулась и вышла, оставляя за собой тишину, нарушаемую лишь неровным гудением оживающей техники.

Через мгновение в дверь постучали.

Вошел Лев, его обычно невозмутимое лицо было напряжено.

– Николас Валерьянович, вы в порядке? Здесь только что...

– Знаю, – перебил Павервольт, не отрывая взгляда от того места, где только что стояла она. – Что по городу?

– Кратковременный сбой од-сети. В нескольких районах. Вроде стабилизировалось.

– Выясни источник. И проверь ретрансляторы здесь.

– Понял. А... мисс Сол? Вы договорились?

Павервольт повернулся к окну, к городу, который чуть не погрузился в немоту.

– Можно и так сказать, – его голос был почти не слышен.

Когда дверь закрылась, он остался один. Воздух всё ещё пах гарью. Он подошёл к ретранслятору, положил ладонь на тёплый теперь корпус. Никаких повреждений. Никаких следов. Как будто ничего и не было.

Но было. Кратковременный, тотальный разрыв. Как если бы сердце мира на миг остановилось, а потом судорожно забилось вновь. Он чувствовал это в подкорке, там, где архонт связан с Сетью.

Случайность? Он не верил в случайности. Особенно теперь, когда в тишине после бури отдавалось эхо её последних слов и память о том, как её глаза, полные ярости и страха, встретились с его взглядом в момент, когда реальность дрогнула. Между ними что-то порвалось. И что-то, возможно, началось.

Глава 9. Шпили и тени

«Политика – это искусство возможного, бизнес – искусство извлекать невозможное, а предательство – вечный двигатель, который приводит в движение обе эти машины.»

– Из дневника Люциуса Кванта, год неизвестен.

Утро началось с того, что Николас Павервольт, как всегда, не выспался. Сон был чутким и прерывистым, как связь в зоне помех от Саргума. В нём мелькали обрывки: добродушная улыбка Алана, холодный блеск стёкол морга, искажённые лица в зеркалах, бледное, упрямое лицо Теи Сол. Последнее – особенно настойчиво. Не её черты, которые он с трудом удерживал в памяти, а взгляд. Серые, ничего не выражающие глаза, которые в момент его ультиматума вспыхнули таким холодным, животным гневом, что даже ему, выдавшему виды, стало не по себе.

Он стоял перед зеркалом в своей временной резиденции на территории посольства, затягивая галстук с автоматическими, вымуштрованными движениями. Костюм – тёмно-синий, строгий, почти униформа высшего чиновника Арлюминера. На лацкане – герб его рода. Сегодня он был не просто архонтом, не просто куратором. Сегодня он был гарантом, пешкой, орудием и щитом одновременно. Договорённость с Маргарет.

Он выполнил свою часть. Сол... Девочка-мышь из архива, вынужденная играть в игры, до которых ей, судя по всему, не было никакого дела. У неё не было выбора. Связанная долгом перед Розенбергом, загнанная в угол им, Николасом, она возьмёт этого несносного щенка обратно. Она всегда берёт. В этом был её трагический изъян, который он уловил ещё на границе – готовность нести чужой крест, даже если он впивается в плечи до костей.

С Теей Сол теперь было ясно. С Рейнольдсом – предстояло разбираться. Но сначала – Белые Шпили.

Его казённый флайер, угольно-чёрный скат с гербами Арлюминера на дверях, ждал в ангаре посольства. Машина была бесшумной, быстрой и абсолютно безликой внутри – серая обивка, минимум хрома, только необходимые голографические интерфейсы. Николас предпочитал такой. Он не любил излишеств, отвлекавших от сути. Суть сегодняшнего дня – сделка, выполненная под прикрытием светского визита. Но как поведёт себя президент? Вот это вопрос.

Лев Векселеров уже сидел на пассажирском кресле. За штурвалом – один из сотрудников посольства.

– Все документы загружены, Николас Валерьянович. Сводка по Смотринам на сегодня – оставшиеся два кандидата подтвердили прибытие, еще один до сих пор на связь не выходил, одного посла тоже нет. Продолжаем поиск, – доложил секретарь.

– И что по ним? – Николас устроился на заднем сиденье, уставившись в окно на проплывающие под ними кварталы Меркатория.

– Кандидат гражданин Проценториума. Местные стражи порядка пока отмалчиваются. Сказали – «разбираются». Возможно, просто передумал и сбежал, не решившись сообщить.

– Слишком много «передумывающих» в этом году, – пробурчал Николас. – Слишком много совпадений. Что по пропавшему послу?

– Ван Лунь, архонт. Уровень силы... чуть выше среднего, около пяти тысяч единиц. Арлюминер во втором поколении. Его семья уверена, что он на Смотринах.

– Его кандидат – Ся Линь Вэй?

– Так точно.

– Думаешь, загулял? Среди трупов его нет.

– Не исключено. Но не верится... Послужной список безупречен. Он или появится, или...

– Или у нас появится еще один неопознанный труп, – мрачно закончил за него Николас.

Флайер летел на северо-восток, к правительственному кварталу. Вскоре вдали, над линией горизонта, показались они – Белые Шпили. Николас не первый раз видел их вблизи. Архитектор, создавший это чудо, явно страдал манией величия, помноженной на эстетический террор.

Каменная симфония агрессии с претензией на власть и повиновение. Пять башен из ослепительно-белого полированного камня, похожего на мрамор, но лишённого его теплоты, вздымались в небо, словно гигантские клыки, впившиеся в брюхо облачного небосвода. Каждая была уникальна: одна – строгий игловидный обелиск, другая – спираль, закрученная против часовой стрелки, третья – усечённая пирамида с отвесными гранями. Они стояли не в ряд, а по дуге, образуя гигантскую, разомкнутую челюсть. Пространство между ними было перекрыто прозрачными, невидимыми с расстояния переходами-трубами, по которым сновали крошечные фигурки служащих. Весь комплекс парил над землёй на высоте ста метров, опираясь на массивные колонны, обвитые голографической рекламой государственных корпораций и патриотическими лозунгами. Под ним простирался искусственный парк с идеальными газонами и озером, но и он казался стерильным, выхолощенным, как иллюстрация из пропагандистского буклета.

– Красиво, – безэмоционально констатировал Лев. – Бросается в глаза.

– Бросается, как нож в спину, – поправил Николас.

Они приземлились на одной из посадочных платформ, втиснутой между колонн. Здесь царил строгая, регламентированная суэта. Служащие в белоснежной форме с голубыми акцентами управляли движением с холодной, роботизированной вежливостью.

Маргарет Никсон стояла у края платформы, прислонившись к перилам. Даже здесь, среди этой ледяной помпезности, она выглядела инородным телом – живым, дышащим. На ней было платье из тяжелого темно-синего шелка, на плечи накинут серебристый палантин. Украшений – минимум: серьги и ожерелье из черного жемчуга. Никаких браслетов, никаких лит-панелей. В пальцах, с привычной, нервной грацией, она вертела серебряный мундштук. Он дымился. От нее тянулся сладковатый, пряный шлейф. Павервольт знал этот запах. Он был сложным: мед и ваниль сверху, цветущий жасмин и лесные ягоды в сердцевине, и темный, бальзамический шлейф, напоминающий о холодных ночах и старых книгах. Сегодня этот аромат висел вокруг нее особенно густо и тревожно. Она курила много.

Рядом с ней, создавая сюрреалистический дуэт, стоял Люциус Квант.

Николас едва сдержал улыбку. Профессор был облачен в костюм-тройку цвета горького шоколада, идеально сидевший на его подтянутом теле. Галстук-бабочка, волосы, залитые гелем. Очки в черепаховой оправе. И белые кеды. Абсурдный диссонанс работал – он выглядел как гений, которому наплевать на условности, но который из вежливости все же надел пиджак.

Если бы не его правая рука. Вернее, то, что из неё торчало.

Из-под идеального манжета пиджака, в тот самый момент, когда Николас подходил, выскользнуло щупальце жидкого металла. Оно мгновенно приняло форму тонкого стилуса и начало выписывать в воздухе сложные геометрические фигуры, очевидно, решая какую-то внутреннюю задачу Кванта. Потом так же быстро втянулось обратно.

– Николас, – Маргарет обернулась, и в её глазах, под маской светского спокойствия, читалось напряжение. – Ты вовремя.

– Всегда, – он кивнул, затем скользнул взглядом по Кванту. – Профессор. Выглядите... впечатляюще. Я представлял вас иначе.

– Это я его уговорила, – Маргарет закатила глаза с таким выражением, будто говорила о непослушном, но гениальном ребёнке. – Безумцу в заляпанном халате и с этим, – она мотнула головой в сторону его руки, – никогда бы не дали долгосрочного тендера. Гении, – она произ-

несла это слово с лёгкой, но горькой усмешкой, – легко создают уникальные вещи. Но плохо выходят в тираж. А деньги любят серийность и предсказуемость.

Она говорила это с холодной, расчётливой уверенностью. Не как мечтательная наследница, а как хищница, вынужденная рыскать на чужой территории. Николас кивнул, оценив. В ней всегда была эта сталь, просто раньше её скрывала броня аристократических манер.

Они двинулись к главному входу и оставили на парковке водителей, Льва и Вэрбеорна. Наёмник в своей маске-пустоте стоял недвижимо, как тёмная статуя, в трёх метрах от флайера Маргарет. Его присутствие здесь, а не с Рейнольдсом, говорило о многом.

Пока они шли к громадным сияющим дверям главного входа, Николас спросил тихо:

– Почему Вэрбеорн с тобой? Где Рейнольдс?

Маргарет сделала глубокую затяжку, выпуская очередное облачко сладковатого дыма.

– Домой не возвращается. По информации – тусуется со своими «друзьями» где-то на границе города, – в её голосе прозвучала беспомощная усталость. – Уже не знаю, что с ним делать.

– Пересели его в общежитие для кандидатов, на территории нашего посольства, – предложил Николас, задумавшись. – Будет под присмотром.

Маргарет замедлила шаг, смотря на него с недоверием.

– Ты поговорил с Сол? Рей... кандидат? – в голосе женщины тлела надежда.

– Да, Маргарет. Не беспокойся. Не переводи тему.

– На территорию Посольства? Не уверена, Николас... Я ведь не смогу его навещать...

Женщина потупилась, а Николас удивился ее преданности. Мальчишка в грош ее не ставит, а она думает о том, что не сможет видеть этого несносного бунтаря. Эта материнская преданность Павервольту была не знакома.

– Внесу тебя в списки посещения. Как мать кандидата. Подойдет?

Она молча кивнула, снова затянувшись. Согласие было вымученным, но без альтернатив. Николас понимал её страх: отдать сына под крыло Арлюминера – всё равно что выпустить птицу в клетку с другим, незнакомым хищником. Но клетка в «Серебряных кедрах» явно перестала работать.

Досмотр на входе был тотальным, унижительным и отточенным до автоматизма. Их встретили не люди, а идеальные продукты системы: два охранника в черной форме, отутюженной так, что складки могли порезать бумагу. Их лица были непроницаемы, глаза смотрели сквозь тебя. Браслеты и панели на их запястьях и висках мерцали холодным синхронным светом, сканируя не только металл и энергию, но, казалось, и сами намерения.

– Все источники од-энергии, артефакты, записывающие устройства – на стол, – сказал один из них механическим голосом.

Николас молча снял свои браслеты-резервуары, лит-панели и положил в пластиковый контейнер.

Маргарет лишь развела руками – на ней ничего не было.

А вот с Квантом начался цирк.

– Профессор, ваш... имплант, – охранник с трудом подбирал слово, глядя на рукав пиджака, из-под которого снова выглядывало металлическое щупальце, на этот раз принявшее форму миниатюрного сканера и само себя изучавшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.